

КРОКОДИЛ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ СПОРТИВНЫЙ НОМЕР

К 576

14

— Теперь мне ничего не осталось, кроме как в воду вниз головой...

— Почему?

— А не брошусь, — товарищи засмеют. Тоже, скажут, спортсмен.

7

6

5

4

3

2

ЗАПИСКИ ТОЛСТЯКА

Н О Я Б Р Ь

Поздравляю вас, товарищи: сегодня выяснилось, что я просто-напросто толстяк. Водевильный персонаж. Посмешище мальчишек. Объект тонких замечаний на задней площадке трамвая и в вестибюле метро. Мне уже давно намекали. Я не обращал внимания. Но сегодня...

О, сегодня произошло ужасное. Инвалид на бульваре равнодушно покопался в каких-то гирих и равнодушно протянул мне талончик с официальной цифрой моего веса. На кусочке серой бумаги очень разборчивыми каракулями было выведено: «84 кила 400 гра».

— Виноват, — стараясь придать своему голосу как можно больше небрежности, — сказал я. — Это сколько же выходит в переводе на пуды?

— В переводе на пуды?

Инвалид погрузился в вычисления. Результаты оказались ужасны.

— Вы имеете пять пудов одиннадцать фунтов.

Товарищи! Я имею пять пудов одиннадцать фунтов!

Вдумайтесь в это. Я, тот самый нежный я, над колыбелькой которого мама пела грустную песню о сереньком козлике, имевшем постоянное место жительства у некоей бабушки, очень любившей вышеозначенного козлика... Я, тот самый милый и ласковый я, который каких-нибудь 30—35 лет назад весил отсилы два пуда... Я, который...

Эх, да что там говорить!

Пять пудов одиннадцать фунтов! Это же борец среднего веса. Иван Занкин. Ван Риль. Градополов. Шатаюсь от горя, я отправился домой.

Навстречу мне шла шумная ватага школьников. Они вежливо пропустили меня, и одна крошечная гражданка с красным галстуком на шейке долго смотрела мне вслед широко открытыми круглыми, совершенно шоколадными глазами.

— Ух, какой толстый дядька! — услышал я за собой детский голосок, полный завистливого уважения.

Я закрыл лицо руками.

Вечером того же дня, склонившись на плечо своего единственного друга, я горько жаловался на свою судьбу.

— Ты только вдумайся в это, — гонерил я. — Даже если считать, что худо-бедно одиннадцать фунтов уйдет на пальто, костюм и башмаки, то все-таки останется пять пудов чистого веса! Ах, Юра, прошло золотое детство, прошло то время, когда я, тот самый нежный я, лежал в колыбельке...

Мой друг терпеливо выслушал про колыбельку, про маму, про козлика и про бабушку. Затем он сказал:

— Дорогой мой! Должен огорчить тебя: не только прошло детство, но также прошло и отрочество. Больше того, — прошла молодость и зрелость. Не будем закрывать глаза. Скажем прямо: ты просто немолодой, отвратительно толстый мужчина, склонный к нудной сентиментальности.

— Но что же, что же мне делать? — воскликнул я, ломая руки.

— Ходи побольше пешком. Поменьше кушай.

— «Ходи пешком! Поменьше кушай!» Легко сказать, когда советская власть делает все, чтобы окончательно погубить меня. Она строит метро, она выпускает легковые автомобили, она наполняет города троллейбусами, автобусами и трамваями. Она открывает все новые и новые гастрономические магазины, рестораны, столовые, кафе. Хочешь — не хочешь, а приходится ездить и жрать в то время, когда мне абсолютно необходимо ходить пешком и голодать.

— Займись спортом.

— Каким?

— Да каким хочешь. На коньках бегаешь?

— Не бегаю.

— Начни бегать.

— И похудею?

— Ого!

— Хорошо, я буду бегать на коньках. А что для этого надо сделать?

— Да ничего: просто купи себе коньки, теплую фуфайку, перчатки, шарф, шерстяные носки, подожди, когда откроются катки, — и валяй! Движение, свежий воздух, здоровое утомление... Не пройдет и двух месяцев, как ты сбросишь пуда полтора.

— Полтора пуда!!! Ты меня воскрешаешь. Спасибо, Юрочка, бегу.

— Куда?

— Покупать.

Д Е К А Б Р Ь

Худеть — так худеть!

Сегодня нанял на целый день такси. Ездил по магазинам. Уж если начинать бегать на коньках, то необходимо запастись всем необходимым. Чтоб не как-нибудь, тяп-ляп, а чтоб все, как у настоящих людей. Пускай пижоны катаются кое-как, а мне надо кататься как следует. Не ради удовольствия. А ради пользы. Это надо понимать. Я человек организованный.

Купил себе:

1) пару коньков обыкновенных, английских, специально для начинающих;

2) пару «гагенов», специально для более или менее умеющих кататься;

3) пару «норвежек», специально беговых;

4) пару чудесных специально фигурных, на которых при известной сноровке, говорят, можно писать на льду собственную фамилию и танцевать новые западные танцы;

5) дюжину шерстяных носков;

6) три фуфайки: одну серую, другую белую и третью такую очень миленькую, серовато-беловатую с красивым полукруглым-полузакрытым воротником;

7) два кашне, тоже очень красивые и теплые. (Научились у нас, черти, делать замечательные вещи, а еще все кричат: «За-граница! Заграница!»).

Устал ездить адски. Денька два хорошенько отдохну, а уж потом и начну чесать!

Я Н В А Р Ь

Сегодня в первый раз отправился на каток. Вдруг по дороге — бац! — вспомнил, что забыл купить перчатки. Экая дырявая голова. Хорошо был бы я на катке без перчаток. И смех и грех. Велел шоферу поворачивать обратно. Завтра же поеду за перчатками.

Ф Е В Р А Л Ь

Перчаточки что надо. Три пары. Отдохну денька два и как начну чесать!

М А Р Т

Ездил на каток «Динамо». Встретил по дороге Васю. Он мне сказал, что на «Динамо» катаются только пижоны. А если кто не пижон, а с серьезными намерениями, то надо в ЦДКА. Поехал в ЦДКА, а там, оказывается, нет буфета. То-есть буфет есть, но главным образом море и бутерброды, а чего-нибудь действительно существенного и не ищи. Хорошо, что велел шоферу дожидаться. Шофер посоветовал ехать в Парк культуры. Там, говорит, буфет хорош. Поехали. Буфет, действительно, ничего себе, но зато лед... Скользкий, ну его к черту! Еще морду разобьешь. Нет, пусть дураки катаются. Шофер советует заняться лыжами. Говорит, что можно похудеть пуда на два-три. А мне только этого и надо. Перехожу на лыжи. Решено.

А П Р Е Л Ь

Действительно, лыжи куда легче. И гораздо дешевле. Можно в Сокольники и в Парк культуры. И туда и туда — на метро.

Целый день покупал лыжные принадлежности. Купил:

1) лыжи;

2) две специальные палки, на всякий случай;

3) две фуфайки, специальные;

4) три пары носков, спец.;

5) кашне, сп.;

6) две пары специальных перчаток;

7) дюжину специальных носков из очень толстой шерсти;

8) три спец. комбинезона: а) серый, б) белый, в) волосатый.

На-днях начинаю ходить на лыжах.

М А Й

Снег растаял, черт его разбери! Так и не пришлось. Советую заняться теннисом. Займусь.

И Ю Н Ь

Ездил за ракетками, мячами, белыми брюками, туфлями и так далее. Устал ездить, как собака.

И Ю Л Ь

В теннис на «Динамо», говорят, играют только пижоны. А надо ездить на водную станцию заниматься гребным спортом. Говорят, шутя и играя, можно сбросить пуда четыре, четыре с половиной. Хорошо бы! Покупаю лодку.

А В Г У С Т

Футбол! Только футбол!

С Е Н Т Я Б Р Ь

Только легкая атлетика!!

О К Т Я Б Р Ь

Исключительно прыжки с парашюта!!!

Н О Я Б Р Ь

Я гибну. Ни одни брюки не сходятся. Надя вышла замуж за Юру. Просит прощения, но говорит, что это выше ее сил. Говорит, когда похудею, может быть, вернется.

Господи! Почему все — худые, один я — толстый!

Говорят, надо в Кисловодск. А где я возьму денег?

Д Е К А Б Р Ь

Ездил в метро в редакцию «Вечорки» давать объявления:

«Продаются по случаю: лыжи, лодка, брюки, фуфайки, ракетки, мячи, планеры, парашюты, пьексы, носки, шарфы, перчатки, галстуки, трусы, буфы, футбольные мячи, велосипеды, мотоциклы и вообще все для спорта в любом количестве, спортивным организациям и аэроклубам скидка».

Я Н В А Р Ь

Вот я и в Кисловодске. Ездил в замок Тамары. Дивные шашлыки. Между прочим, взвешивался на лечебных весах.

Знаете сколько?

Эх, не будем лучше об этом говорить!..

Жизнь кончена.

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

НА РАСПУТЬИ

Рис. Бор. Ефимова

— Я вас так часто встречаю на состязаниях, а до сих пор не знаю, каким видом спорта вы занимаетесь?

— Собственно говоря, я еще ни на чем не остановилась. Грести — утомительно, на лыжах бегать — холодно, в теннис играть — жарко, прыгать — страшно, бегать — пыльно, а плавать — мокро...

М И Л Ы Е Л Ю Д И

Каждый хвалит тот вид спорта, которым он увлечен.

Когда теннисисту предлагают сыграть в волейбол, он высокомерно улыбается и поправляет складку на своих белых штанах. Из этого ясно видно, что он считает волейбол занятием грубым, вульгарным, недостойным выдержанного спортсмена из непроизводительной ячейки.

Городошники возятся у своих квадратов, бормочут странные, медвежьи слова «тыка» и «ляпа», мечут окованные медью дубины и в восторге бьют себя по плоским ляжкам. Вид у городошников совсем не спортивный. Длинные черные штаны и развалистая походка делают их похожими на грубиянов-шкиперов из маленькой гавани. Они всем сердцем преданы городошническим идеям. Когда они видят теннисный корд, над которым летает легкий белый мячик, их разбирает смех. Можно ли в самом деле заниматься такими пустяками!

Легкоатлет, делая прыжок с шестом, возносится на высоту третьего этажа, и, конечно же, с такого птичьего полета и теннис, и волейбол, и городки кажутся ему занятиями пигмеев.

Мастера гребного дела мчатся по реке в элегантной восьмерке. Их подбородки прижаты к высоко поднятым голым коленям, легкие вдыхают самый лучший из озонов — речной озон. И когда они смотрят на берег, где в пыли бегут спринтеры, где толстяки, обливаясь потом, поднимают двадцатипудовые буферные тарелки на чугунных штангах, — они еще сильнее взмахивают веслами и уносятся в голубую даль. Это люди воды, члены профсоюза и корсары в душе.

И где-то за дачными заборами, положив портфели на зеленые скамейки, люди с серьезными бородками стучат крокетными молотками, выходят в «разбойники» и хватаются за сердце, когда полированный шар застревает в «масле». Эта игра умирает, но есть еще у нее свои почитатели, последние и беззаветные поборники крокетной мысли.

Итак, каждый хвалит тот вид спорта, которым он увлечен.

Но вот на большом травяном поле, за амфитеатрами стадиона «Динамо», раздаются хватающий за душу, томный, четырехзвучный судейский свисток, возвещающий начало большого футбольного матча.

И разом все преображается.

Где ты, гордость теннисиста? Забыв про свои получемберленовские манеры, про любимые белые штаны с неувядаемой складкой, теннисист пеплется за поручни трамвая. В эту минуту он уже не теннисист, он — барс. Оказывается, что под внешней оболочкой теннисиста бьется честное футбольное сердце. Он болельщик. Скорей же на трибуну, в гущу других болельщиков, в гущу громких споров о достоинствах состязающихся команд!

Что за толпа бежит по улице тяжелой пехотной рысью? Это поспевают на стадион бывшие ревнители городошной идеи. И на брошенной ими площадке сиротливо валяются богатырские дубины. Начать городошникам на городки в этот высокаторжественный день. Футбол! Только футбол!

Толстяки, манипулировавшие буферными тарелками, поднимают целые трамваи в стремлении попасть поскорее на трибуну. Она волокут за собой своих жен, объясняя им находку великую разницу между офсайтом и инсайтом.

— Инсайт, понимаешь ты, бывает правый и левый, а офсайт, понимаешь, бывает справедливый и несправедливый.

А жене хочется в кино. Ей трудно усвоить эти тонкости. Но футбол свое возьмет, и через час эта женщина будет кричать нечеловеческим голосом:

— Неправильно! Судья мотает!

И возможно даже, что это хрупкое создание вложит два пальца в розовый ротик и издаст протестующий индейский свист.

Вообще, болельщики все до одного и всегда считают, что судья выносит неправильные решения, что он нагло покровительствует одной из сторон и что на поле происходят большие неполадки.

Вот если бы судил он, болельщик, тогда все было бы хорошо.

А на асфальтовой дороге к стадиону толпы все густеют. Вытираешь глаза и награждая друг друга радостными пинками, бегут мальчики, самые преданные, самые верные приверженцы футбола.

Из водных станций, натягивая находку штаны, выбегают пловцы. Они кидаются в автобус, как в воду, с молниеносной быстротой. Ухватившись за потолочные кольца, они болтаются от автобусной тряски, и долго еще на их ресницах висят чудные полновесные капли воды.

Забыв английские уклады крокета, возбужденно подскакивают на своей трибуне люди с серьезными бородками. Они плохо разбираются в футболе (не тот возраст, да и молодость прошла за преферансом по четверть копейки), но, оказывается, они тоже не чужды веяниям эпохи, они тоже волнуются и кричат противными городскими голосами: «Корнер! Корнер!» — в то время как корнера в помине нет, а судья назначает штрафной одиннадцатиметровый удар. Минута страшная для просвещенного болельщика.

Игра началась, и судья осторожно увертывается от тяжелого и быстрого полета мяча. Игроки скатываются то к одним воротам, то к другим. Вратари нервно танцуют перед своими сетками.

Трибуны живут полной жизнью.

Уже вперед известно, по какой причине трибуны будут хохотать.

Первым долгом мяч угодит в фотографа и именно в то время, когда он с кассетой в зубах будет подползать к воротам, чтобы заснять так называемый критический момент. Сраженный ударом, он упадет на спину и машинально снимет пустое небо. Это бывает на каждом матче и это, действительно, очень смешно.

Затем несколько десятков тысяч человек засмеются потому, что на поле внезапно выбежит собачка. Она несколько секунд носится перед мячом, и (вот ужас!) игра начинает правиться даже ей. Она взволнованно и радостно лает на игроков и ложится на спину, чтобы ее приласкали. Но собачка получает свое. В нее попадает мяч, и, перекувыркнувшись раз двадцать пять, она с плачевным воем покидает поле.

В третий раз трибуны смеются над волнением одного суперболельщика. Забыв все на свете, он подымается с места, кричит: «Ваня, сажай!» — и так как Ваня не «сажает», а «мажет» и мяч ударяется о штангу ворот, то суперболельщик начинает рыдать. Слезы текут по его широким щекам и капают с длинных усов. Ему не стыдно. Он слишком потрясен поведением «мазуна», чтобы заметить, что на него со смехом смотрят двадцать тысяч человек.

Наступают последние 15 минут игры. Напряжение достигает предела. По воротам бьют непрерывно и не всегда осмысленно. Команды предлагают бешеный темп. Трибуны кипят.

Болельщики уже не хохочут, не плачут. Они не сводят глаз с мяча. В это время у них можно очистить карманы, снять с них ботинки, даже брюки. Они ничего не заметят.

Но вот очищающее влияние футбола! Ни один карманщик не потратит этих последних, потрясающих минут, чтобы предаться своему основному занятию. Может быть, он и пришел специально за тем, чтобы залезть в чужой карман, но игра увлекла, и он прозевал самые выгодные моменты.

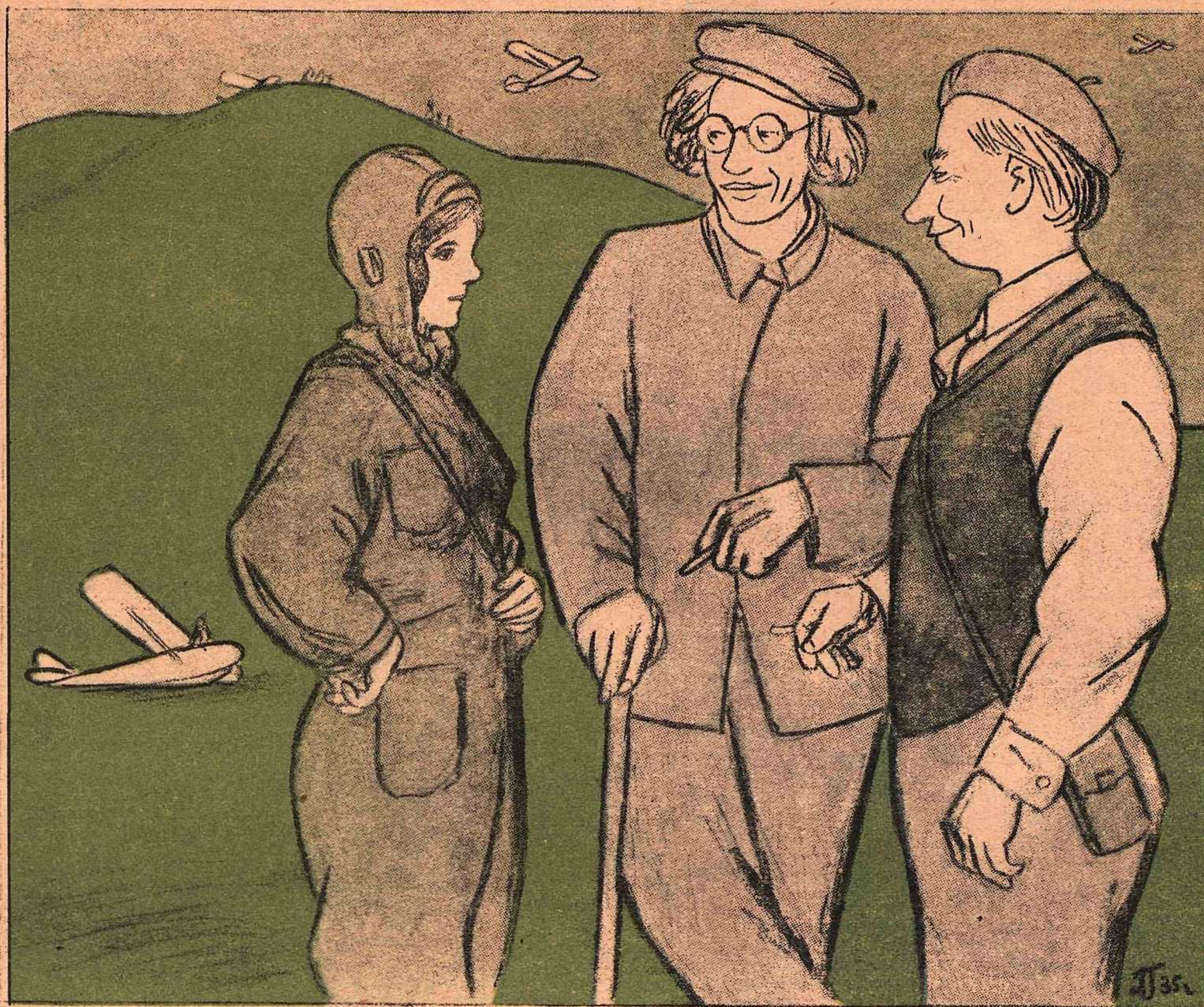
Футбольная трибуна примиряет нежного теннисиста с могучим городошником, пловцы жмутся к тяжелоатлетам, всеми овладевает футбольный дух единства.

Что же касается людей, не занимающихся специально физкультурой, то посещение футбольных матчей до невероятности укрепляет их организм.

Посетитель футбольного матча проделывает в жизни все упражнения на значок «Готов к труду и обороне». Закаленный болельщик вполне готов к выступлению на мировой спартакиаде в качестве участника. Он поставил ряд мировых рекордов в нижеследующих областях:

- а) бег за трамваем по сильно пересеченной местности,
 - б) прыжок без шеста на переднюю площадку прицепного вагона.
 - в) 17 раундов бокса у ворот стадиона,
 - г) поднятие тяжестей (переноска сквозь толпу на вытянутых руках жены и детей),
 - д) военизированный заплыв (двухчасовое сидение на трибунах без зонтика под проливным дождем).
- И только одного не умеет болельщик: играть в футбол. Зато он очень его любит.

ИЛЬЯ ИЛЬФ, ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ

— А что самое страшное в планерном спорте?
— Рваческие цены планерного завода Снабосоавиахима.

ШТРАФНОЙ УДАР

ГОНКИ НА МЕСТЕ

Спринтер (гонщик на короткой дистанции) без трека все одно, что поезд без рельсов. Ни тебе тренировки, ни гонок, ни рекордов. А между тем...

В Москве хорошего трека сейчас нет.

В Ленинграде трек сломан.

В Киеве трек только собираются строить.

В Одессе от трека остались одни воспоминания.

В Харькове есть трек. Но он построен с такими низкими виражами, что гонки проводить на нем нельзя.

Короче говоря, хороших треков у нас нет нигде. Правда, есть много планов, много смет и резолюций. Но на них даже на самом лучшем первоклассном гоночном велосипеде рекордов не поставишь.

Заслуженный мастер спорта
ПЛАТОН ИППОЛИТОВ

ЗАРЯДКА ПО-ЩЕДРИНСКИ

Председатель Термезского райисполкома Рустамов в целях неуклонного оздоровления вверенных ему аппаратных работников издал следующий приказ:

«...приказываю:

1. С 7 февраля с. г. ввести ежедневно физкультуру в установленный перерыв, т. е. с

12 часов дня, длительностью 5 (пять) минут.

2. Под ответственность заведующих отделов и подотделов по данному сигналу — звонку на перерыв — вывести своих сотрудников без исключения в коридор в общий строй.

3. Проверку посещаемости обязываю проводить со всей точностью по спискам, представленным заводчелами, а о непосещаемых (?) лицах докладывать мне».

Очень не плохо, если аппаратные работники проводят физкультурную зарядку. И вполне правильно, что об этом заботится неутомимый т. Рустамов. Но уж если издавать приказы в таком щедринском стиле, то нужно этот стиль доводить до конца, и в качестве четвертого и последнего пункта добавить:

— Вдохи и выдохи производить под расписку, а приседания — под соответствующими номерами, заносимыми в бухгалтерскую книгу.

ВОПРОС О СНЕГЕ

Двадцать пять повышенных норм надо сдать, чтобы получить почетный значок «ГТО» второй степени. Среди них есть норма лыжная.

Для того чтобы сдавать лыжную норму, прежде всего нужен снег.

Учитывая, что у нас на юге есть бесснежные районы, ВСФК СССР издал постановление о замене лыжной нормы в бесснежных районах другими нормами.

Кажется, все ясно и просто.

СФК Узбекистана прочел это постановление и успокоился.

И не выдает значков «ГТО» не сдавшим лыжной нормы.

Теперь физкультурникам в бесснежных районах Узбекистана остается ждать одого из двух: или когда появится снег или когда появятся толковые люди в СФК Узбекистана. Что случится раньше — неизвестно. Пока что на появление снега надежды больше.

ТОРГОВЛИШКА

Бойкий делец, как это говорится, никогда и нигде не пропадет.

Это жизненное правило по-своему понял ответственный секретарь Кабардино-балкарского областного СФК Тулановский.

Он привез из Москвы 882 значка «ГТО», приобрел их в ВСФК по 3 р. 50 к., и быстро распродал их в Нальчике (Сев. Кавказ) по 5 р. 25 к., заработав на этой несложной операции довольно приличную сумму.

Когда у такого секретаря СФК спрашивают, какую он ведет работу среди физкультурников, он, наверное, отвечает:

— Пока розничную. Если меня еще хоть на некоторое время оставят на работе, — перейду на оптовую.

ПЕРВОЕ

Красивая и сладкая, как торт на банкете, мечта — неотъемлемое право юности.

Новый сотрудник спортивного отдела Коля Баякин терпеливо приносил заметки о недозавозе маск, невнимании к городошникам и неудобствах стоячих мест на стадионе. Заметки шли в газете обидным мелким пети-том и действовали на Колино самолюбие своим унылым видом мух, присохших к булке. Но читая их, Коля красочно и образно представлял себе тот момент, когда его вызовет к себе в кабинет редактор, которого он еще не видел, и даст ему первое ответственное поручение.

— Баякин? — скажет редактор, кивнув на кресло. — Новый сотрудник? Слышал, слышал. Садитесь. Курите? Прощу. Английским владеете? Нет? Жаль! Впрочем, с вами поедут два переводчика. Едете сегодня в 8.30. Экспресс. Встретите иностранных чемпионов на границе. Впечатление молнируйте. Интервью телеграфуйте. В случае чего — радио.

— Есть, товарищ редактор, — деловито кивнет головой Коля. — Могу идти?

— Можете. «Линкольн» ждет внизу. Кинооператор уже выехал. Кстати, зайдите в контору, — там вам выписана тысяча на расходы. Возвращайтесь аэропланом. Все.

Фактически дело обстояло несколько иначе. Коля сидел в отделе, дожидаясь заведующего, курил и рисовал на промокашке козу. В комнату вошел грузный человек в больших очках, неодобрительно понюхал и кисло сказал:

— Ну, вот. Весна. Окна не выставлены. Сидит юноша и курит. И это — спортивный отдел! Художник?

— Нет. Литсотрудник, — хмуро ответил Коля. — Баякин.

— Не слышал. Терентьеву знаете?

— Которая сорок прыжков?

— Она. Награждена. Поезжайте и поговорите, — грузный человек в очках внимательно посмотрел на Колю. — Только без фокусов. Коротко и просто, чтобы человека было видно. Нате вам ее адрес.

— А вы кто? — робко спросил Коля.

— Ну, это не важно, ну, редактор, — кисло проворчал грузный человек в очках. — Мелочь-то на расходы у вас есть, юноша? А то вы не стесняйтесь... Идите, идите! Никогда у вас никого в спортивном отделе нет...

Коля выбежал из редакции, обиженно обвел взглядом редакционный «Линкольн» с дремлющим шофером у подъезда и втиснулся в автобус.

— Первый подвал в газете, — возбужденно шептал он, — сбоку фотография, внизу текст, а под ним фамилия: «Н. Баякин». Нужно будет «Ник. Баякин» подписаться. Литературнее. Вроде: «Анат. Франс». Только бы поймать ее дома...

Через полчаса Коля уже стоял перед дверью на седьмом этаже и высчитывал, сколько раз надо звонить к Терентьевым, если к Ивушным — четыре, к Павчикам — пять, а Терентьевы стояли между ними.

Дверь открыл толстый мальчик в колпаке из газетной бумаги и с деревянным ружьем в руках.

— Могу я видеть Катерину Петровну Терентьеву?

— Нет, — решительно ответил мальчик. — Такой нету.

— Не может быть, — испуганно сказал Коля, — у меня адрес. Терентьевы здесь живут?

— Здесь. Я сам Терентьев. Василий. Только никаких у нас Катерин Петровн нету.

— Можете, родственники ваши? — убито добивался Коля. — Мне Катерину Петровну надо. Парашютистку.

— А! Вот кого! — разочарованно протянул мальчик. — Вы бы так и сказали, что Катюшку. Катя, к тебе! Вот тут она. Заперлась, змея. С утра зудит. Экзамены у нее. И меня из комнаты выкинула. Говорит, что водой обольет, если лезть буду.

Коля поправил галстук и постучал.

— Не лезь, — послышался раздраженный голос из комнаты, — не мешай! Честное слово, отцу расскажу.

— Я — не он, — робко, но громко сказал Коля. — Я из газеты. Можно?

В маленькой комнате за столом сидела девушка лет восемнадцати, в синей кофточке. Перед ней лежала раскрытая книга с какими-то чертежами, а около книг торопливо прикрытая газетой тарелка с недоеденным пирожным.

— Я к вам от газеты, — официально начал Коля, но слегка осекся от хорошенького личика девушки, от предательского кусочка бисквита, прилипшего у нее к губе, и, кивнув на книгу, спросил: — Механика?

ПОРУЧЕНИЕ

— Механика, — вздохнула Терентьева. — И не говорите. Ой, трудно. Засыплюсь.

— И не мудрено, — деловито подтвердил Коля, — сам мучился. — И, помолчав, добавил. — Я от редакции. Насчет этого... Первого прыжка. Ваши впечатления?

Терентьева умоляюще посмотрела на Колю и тихо выдавила:

— Полетела я на аппарате. А потом прыгнула.

— А подробнее нельзя? — безнадежно попросил Коля.

— Можно, — беспомощно сказала девушка, — полетела на аппарате. Потом на крыло вылезла.

— А потом?

— Потом прыгнула, — с отчаянием закончила Терентьева. — Честное слово, больше ничего не было!

— Это не впечатления... — обиженно заметил Коля. — Во впечатлениях высота должна быть. Воздух.

— Высота была. Семьсот метров. И воздух был. Не с земли же прыгала.

— Ну, а вообще как?

— Вообще, ничего. Прыгнула — и все. Другие тоже прыгают.

— Может, сильные переживания были? А?

— Переживаний не было. У меня тогда тоже экзамены были. Некогда было насчет переживаний.

Коля уныло закрыл блокнот. Газетный подвал с подписью «Ник. Баякин» таял.

— Может, случаи какие были? — уже хмуро сказал он. — Не я же прыгал с парашютом, а вы.

— А вы бы прыгали, товарищ, — виновато откликнулась Терентьева, — это же не страшно. А насчет случая — не помню. Вам исключительные нужны?

— Исключительные.

— Таких не было. Тяжелый был один. Вышла я на крыло, хочу прыгать и вдруг вспомнила, что ключ от комнаты с собой на аэродром увезла. Отец придет, а в комнату и попасть нельзя.

— Ну, и что?

— Ничего. Потом прыгнула.

Коля вздохнул и встал.

— Ну, прощайте. Может, фотография у вас есть?

— Фотография? — Терентьева сконфуженно оглянулась. — Фотографии нет. А вам очень нужно? Погодите, я с удостоверения сдору... Только вы мне потом верните...

— Хорошо. Верну.

Через два часа Коля Баякин сидел в редакции и с отчаянием в душе писал на маленьком листике:

«У ТЕРЕНТЬЕВОЙ».

Мы застали знаменитую парашютистку товарища Терентьеву за подготовкой к экзамену по механике. Она была очень занята. По ее словам дело обстояло так:

— Я поднялась на аппарате. Потом вылезла на крыло. Ничего страшного не было. Потом прыгнула. Другие тоже прыгают, и ничего страшного нет.

На этом мы расстались.

К листку Коля прикрепил маленькую карточку с удостоверения, с которой смотрело улыбающееся, радостное, почти детское лицо, и понес редактору. Потом подумал, отдал материал секретарю и ушел домой.

«Вот тебе и «Анат. Франс», — грустно думал он, не откликаясь на соседкин стук. — Вот тебе и первое поручение... Провалился, как шенок... Снова сядешь, Ник. Баякин, на заметки о недозавозе маск...»

Утром в газете заметка была напечатана. А вечером его вызвал главный редактор и, улыбнувшись, сказал:

— Садитесь, Баякин. Курите? Курите. У меня было два очерка насчет Терентьевой. По шестьсот строк. С облаками, с птичками, с фокусами и без Терентьевой. Не уместилось и в шестьсот строк. А у вас она вся. Настоящая. Придется вам еще одно поручение дать. Здорово пишете. Французским владеете? Нет? Жаль. Впрочем, с вами переводчик поедет. Встретите на границе французскую команду... В случае чего — телеграфом. Скажите, между прочим, Николаю Петровичу, чтобы «Линкольн» не отпускали, а то опоздаете на вокзал...

Когда Коля уже сидел в автомобиле, переводчик спросил его:

— А вы по-французски сами понимаете?

— Нет, — рассеяно ответил Коля, — за последние два дня я что-то ничего не понимаю... А кажется — все так просто...

АРК. БУХОВ

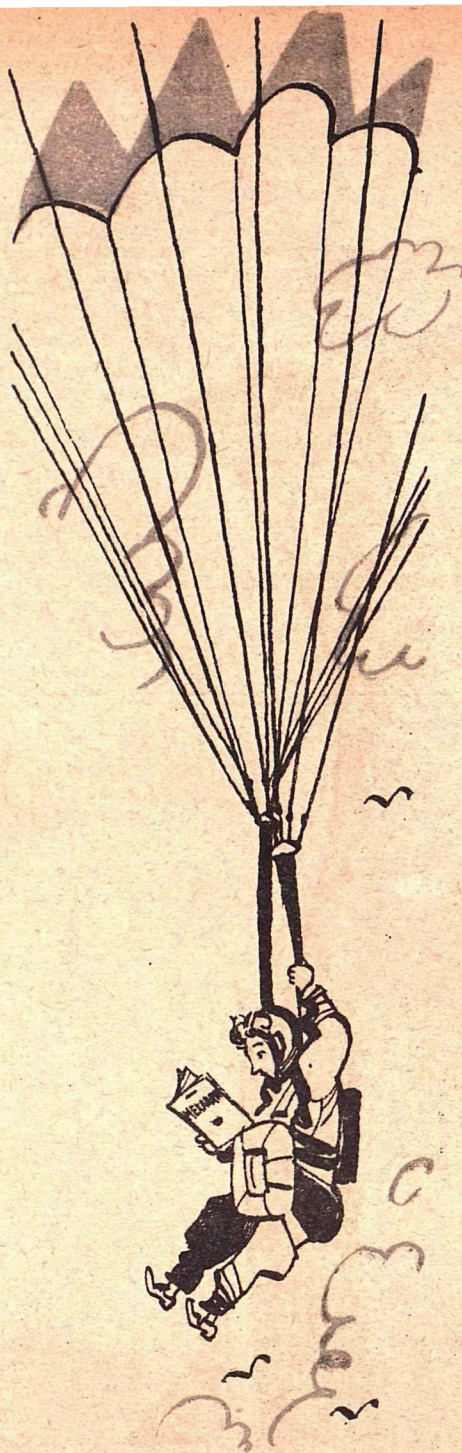

Рис. Н. Ротова

АУ, ТОВАРИЩИ!

Дорогие товарищи, все те, которые, может быть, узнают себя в этом рассказе, — где вы? Откликнитесь и скажите, — разве не каждое слово правдиво в нем?

Это было всего лишь несколько лет назад. К нам в отдел впрорхнул вихрастый юноша с листком в руке: «Записывайтесь в спорткружок!» Мы записались. Кто «мы»?

Иван Николаевич, у которого часто бывала мигрень, и когда она бывала, он говорил с мученическим выражением лица:

«Завтра придете». «Вам напишут». «Я не обязан давать вам справки». «Вас много, а я один тут». «Вам русским языком говорят»...

Василий Иванович, вечно простуженный (он говорил: «Так, вообще, я никогда не простужаюсь, но лишь только в непогоду подумаю, что можно простудиться, так и готов»), записалась Ася, наша секретарша и кассирша («мелочи нет», «извиняюсь, касса закрыта», не очень новая теория — «все мужчины мерзавцы») и очень многие другие, в том числе и наш толстяк Меркулов («у меня не живот, а развитая диафрагма»), и Бойченко, вынимавший изо рта папиросу только для того, чтобы немедленно вставить другую, и Симушков, вполне положительный человек, знавший в совершенстве теорию плавания и все способы, но плавать боявшийся («вода — дело серьезное»). Он приходил на водный стадион, раздевался, ходил по доскам, хлопал себя по бедрам, затем грустно одевался и тихо уходил.

Все записались. И что же? Мало ли на какие дела записываются люди, но многое ли из этого получается?

Тут получилось. Почему? Потому что инструктором был товарищ Белянкин. Товарищ Белянкин говорил одно:

— Спорт укрепляет нервную систему человека.

Мысль, в сущности, не новая, но иногда важно не что говорить, а как говорить, и очень важно, какое у человека лицо и какая степень убежденности. Товарищ Белянкин был авторитетен и властен. Тайна авторитета и власти еще не раскрыты до конца: уважают одного человека больше, другого меньше. Человек может быть умен, хорош и красив, но если «чего-то» в нем нет, то его меньше уважают, а у товарища Белянкина вот это «что-то», еще до конца не исследованное, было, и его уважали. И товарищ Белянкин говорил:

— Становитесь в ряд. Вот так. И делайте то-то и то-то.

И мы становились и делали. Факт! Делали!

И это было чудное время, которого нельзя забыть. Откликнитесь, товарищи. Разве это не так?

Мы приезжали три раза в декаду на спортивную площадку рано утром. Какие были весны, осени, зимы, лета! Мы бегали, прыгали (и толстяк Меркулов прыгал вверх на метр двадцать). Мы толкали ядро (какие красивые руки были у Ивана Николаевича), метали диск, играли в медицинбол, шли английским шагом, зимой ходили на лыжах, — что это за радость идти цепочкой молча, друг за другом, лесом, полями, идти до изнеможения, а потом раздеться, умыться холодной водой... Много ли подобных радостей есть на свете?

А плавание? А гребля?

И все под руководством товарища Белянкина, в присутствии которого все было законно и необходимо, как на военной службе. Когда зимою, бывало, еще не замерзнет пруд в парке и под снегом не видно, достаточно ли крепок лед, товарищ Белянкин говорил нашему толстяку Меркулову:

— Идите, товарищ Меркулов, первый. Если лед выдержит ваш вес, — пойдут остальные.

В любых устах это звучало бы издевательством, но товарищ Белянкин, новый человек, не понимал, как можно издеваться над человеком. Над человеком... издеваться?! Он не понимал этого, и толстяк Меркулов беспрекословно становился на лыжи и соскальзывал с холма на лед. Желтая вода проступала сквозь снег, лед еще не совсем бывал крепок, но пройти можно было, и все шли за толстяком.

Товарищ Белянкин не понимал дешевых шуток и не хотел понимать их. Он не хотел понимать и рисовки. Когда к нему подходила в оранжевых трусиках наша Ася или другая физкультурница и, кокетливо подбоченясь, начинала углубляться в проблемы спорта, — товарищ Белянкин, не глядя на красавицу, морщась, говорил:

— Товарищи, не мерзните, пожалуйста!

И говорил это не только ранней весной или осенью, когда в одних трусиках могло быть холодно, а и жарким летом.

Во время бега товарищ Белянкин, замечательно красиво и спокойно бегая первым, кричал нам:

— Не сдаваться на поворотах!

Он имел в виду затруднения, какие испытывает на поворотах каждый быстро бегущий человек, а мы не забывали этого чудесного лозунга и руководились им не только на беговой дорожке, а и в нашей работе... Мы легче переживали трудности. Легче!

Мы были бодры и здоровы. Иван Николаевич не страдал мигренью. Василий Иванович реже простужался.

— Видите ли, вообще говоря, я не простужаюсь. Но если в непогоду я подумаю, то...

Но он не думал. Толстяк Меркулов ухаживал за девушками и поднимался по лестницам через три ступеньки. Ася, правда, продолжала утверждать, что все мужчины мерзавцы, но тут же добавляла, что среди физкультурников есть исключения. Главное, в кассе всегда была мелочь и очередей почти не было. Бойченко курил одну папиросу, да и то не часто. Работать было весело. Мы уважали друг друга. Мы любили жизнь.

Но случилось так, что наш кружок распался. Почему? Разъехались, усложнилась работа, — неизвестно почему.

Спорткружка нашего нет. Иван Николаевич попрежнему страдает от мигрени и совершенно озверел. Он говорит посетителям, не разжимая зубов:

«Завтра придете». «Нет». «Не будет». «Не знаю». «Не выйдет». «Не могу». «Нельзя». «Я не обязан давать вам справки». «Вас много, а я один тут». «Вам русским языком говорят».

...Ах, а как он прыгал через веревочку (метр сорок)! И какое у него было лицо!

Василий Иванович простужается даже и тогда, когда не думает, что он простудится... С шеи его не сползают шарфы. В ушах у него вата. На вид ему лет сорок пять, хотя на самом деле только тридцать четыре. Где Ася — неизвестно. Исчезла. Но то, что она постарела и поблекла, — мы знали еще до ее исчезновения. Бойченко можно видеть на даче, — он играет в карты с двумя папиросами во рту (они идут по конвейеру одна за другой и часто встречаются), в пыли, в поту, в дыму. Где заветы товарища Белянкина, который говорил, что в спорте самое важное — чистый, свежий воздух, ибо им дышат легкие?

Толстяк Меркулов совсем растолстел и страшно раздражается, когда ему говорят об этом. Он з бешенстве уверяет, что у него есть патефон и женщинам приятно танцевать с ним.

Но это ложь. Ложь! Женщинам приятно танцевать со стройными и красивыми людьми. Это установлено.

А остальные бывшие члены спорткружка?

Мы раздражительны, утомлены, пониженно чувствуем радость жизни, плохо обращаемся с вверенными нам делами, с посетителями, с собой, путаемся в душных накуранных комнатах с надоевшими патефонами, пьем водку, равнодушно шаркаем в фокстротах и иногда, — в минуты просветления, — понимаем, что ничего хорошего из этого не получится.

Так вот, дорогие товарищи, бывшие физкультурники из кружка товарища Белянкина, где вы? Откликнитесь! Может быть, опять соберемся, а? Побегаем, попрыгаем, поплаваем, может быть, опять станем веселыми, здоровыми, бодрыми? Ау, товарищи!

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

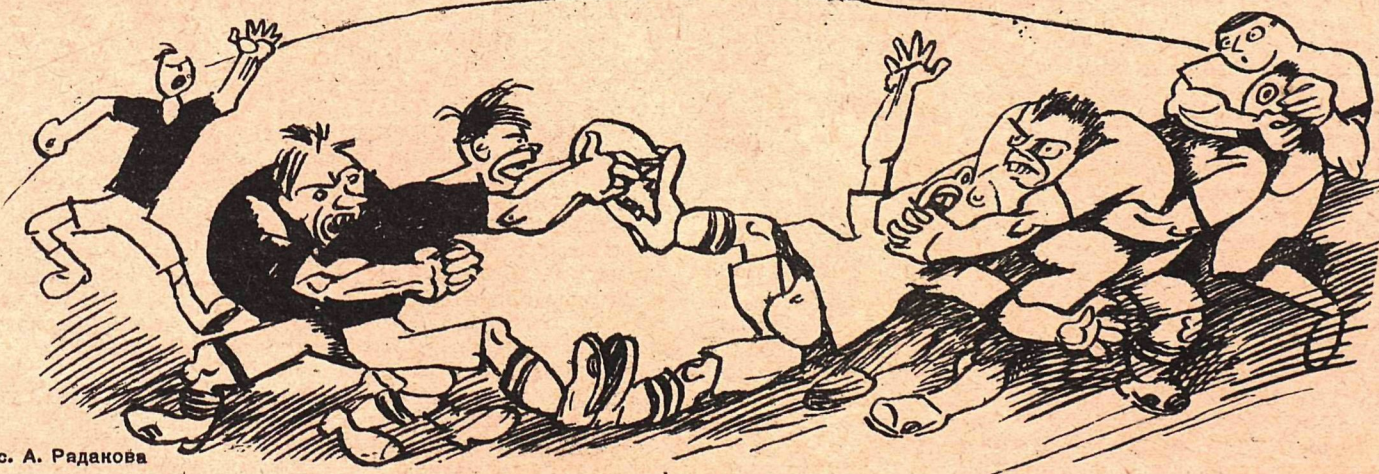

Рис. А. Раданова

РАДИКАЛЬНОЕ СРЕДСТВО

Рис. Ю. Ганфа

- Никогда советским спортсменам не победить наших!
- А что: они слабее?
- Да нет. Просто не пропустим их через границу!

(ВЫДУМАННАЯ, НО ПРАВДОПОДОБНАЯ ИСТОРИЯ)

Все видели: Коротаев вышел из дому веселый, здоровый, в ладно сшитом костюме, с портфелем подмышкой и, бодро насвистывая какой-то марш, скрылся за углом.

Это было тихим майским утром. С тех пор Коротаев, инструктор физкультуры и весельчак, пропал без вести. Была поднята на ноги вся физкультурная общественность. Не помогло. Бросились искать по квартирам всех родственников и знакомых. Не нашли. Поместили объявления в газетах. Безрезультатно. Тогда убитые горем родители обратились к помощи милиции. В милиции посоветовались и поручили старшему инспектору, суровому мужчине, товарищу Городенко, во что бы то ни стало и в самые кратчайшие сроки разыскать пропавшего.

— Без помощи ищейки тут не обойтись, — сказал выдавший виды Городенко, и через полчаса шустрый доберман-пинчер уже деловито обнюхивал вещи пропавшего Коротаева. Несколько минут собака глубокомысленно размышляла, потом, иронически и даже сострадательно посмотрев на взволнованных представителей домовой общности, повела за собой товарища Городенко вниз на улицу. Через весь город они добрались, наконец, к зданию вуза, где пропавший без вести был инструктором. Следы вели в кабинет директора института. Директор института, закаленный в самых разнообразных и неожиданных визитах, несколько не поразился появлению у себя в кабинете этой необычайной пары. Он только нехотя поднял на них скучные глаза и вялым голосом сказал:

— Не могу, никак не могу. Видите, — занят.

Но не таков был Городенко.

— Вы знаете, по какому делу я к вам пришел? — процедил он сквозь зубы и добился, наконец, от директора сообщения, что да, действительно, пять дней тому назад приходил Коротаев и надоедал ему насчет стадиона, но что ему, директору, конечно, было не до площадки, и что он его, конечно, отправил к своему заместителю.

От заместителя директора следы Коротаева повели в городской совет профессиональных союзов. Из городского совета профессиональных союзов — в областной, а оттуда — в Дворец труда.

Огромная машина Дворца труда поглотила неутомимую пару. Ищейка буквально рвалась вперед. Городенко еле успевал за ней. Они проделали вместе путешествие головокружительной продолжительности. Они пожарили огромные километровые коридоры бывшего воспитательного дома. Хлопали двери бесчисленных комнат, люди выбегали с толстыми папками, на которых чьей-то неутомимой недрогнувшей рукой были каллиграфически выведены злобные слова: «на подпись», «на согласование», «на проработку», «на утверждение», «на увязание», «к делу», «в архив». Эти люди бегали по коридору так, будто они действительно занимались каким-то очень важным и нужным делом. Каждый их шаг стирал следы пропавшего Коротаева и затруднял собаке работу. Она жалобно поглядывала на своего вожака в поисках сочувствия, но, замечая его подбадривающий взгляд, с новой силой принималась за поиски.

И вот, наконец, после двух часов бесплодных поисков ищейка сделала стойку около наглухо закрытой двери. Она посмотрела на Городенко счастливыми глазами и с достоинством лизнула ему руку.

Дверь без надписи, без номера глухо отозвалась на стук Городенко. Никто не откликнулся. Он постучал крепче и так же безрезультатно. Потом обратился в соседнюю комнату за ключом. Ключа ни у кого не было, и никто даже не мог толком разъяснить, какой сектор находится за этой таинственной дверью. Пришлось вызывать слесарей. В несколько минут дверь была взломана, и когда она распахнулась, даже выдавший виды Городенко не мог подавить в себе испуганного восклицания.

За пыльным канцелярским столом сидел очеченевший труп пропавшего. Выражение неизменной тоски исказило его некогда приятные и жизнерадостные черты.

В комнате царили духота и полумрак. Окна двойных рам, несмотря на жару, были наглухо законопачены и покрыты бархатной многолетней пылью. Мириады мух печально болтались в паутине, как удушенники.

Когда глаза пришедших привыкли к угнетающему полумраку комнаты, они увидели на стене выведенные по густой пыли дрожащей рукой слова:

«Меня забыли. Я умираю от голода и духоты... Воздуху... Свежего воздуху!»

Дальше шли уже неразборчивые каракули.

Зловещая тайна нависла над собравшимися. И тут настала очередь знаменитого детектива, товарища Городенко. Он подошел к окну и с силой дернул форточку. В комнату со свистом ворвался свежий воздух. Тысячи бумаг и бумажек поднялись в воздух, как снежинки.

Городенко снял с себя пиджак и, став на четвереньки, обследовал пол. Чьи-то тяжелые следы вели из комнаты и терялись в бесконечной дали огромных коридоров.

— Нужно срочно узнать, что в этой комнате помещается и кто в ней работает.

Эта незамысловатая на первый взгляд операция заняла добрых три часа. Пришлось для выявления сотрудников, занимающихся в этой комнате, выстроить в коридоре всех работников всех отделов, помещавшихся в этом этаже. Потом людей по спискам рассаживали по комнатам, и когда все кабинеты были густо заполнены штатными единицами, три человека остались одиноко стоять в передвешенной шеренге. Это и были искомые сотрудники.

После бесконечных наводящих вопросов эти сотрудники полувнятно объяснили, что они работают по физкультурной части и что таинственная комната принадлежала одному из секторов, занимавшемуся вопросами физической культуры и спорта.

Густые сумерки уже спустились на Москворецкую набережную, когда осунувшийся от волнения Городенко закончил, наконец, предварительный акт дознания.

В этом акте сухо и деловито был описан весь долгий путь, который пять дней тому назад прошел, чтобы пропасть без вести, покойный инструктор физкультуры Коротаев.

«В результате тщательного опроса сотрудников, обычно работающих в комнате, где был обнаружен Коротаев, — писал в своем акте Городенко, — выяснилась следующая картина. Пять дней тому назад, около полудня, в эту комнату явился Коротаев с заявлением о помощи в деле оборудования показательной физкультурной площадки при учреждении, физкультуринструктором коего он состоял. На документе были все надлежащие резолюции всех надлежащих лиц и ведомств. Заявление было передано ответственному сотруднику сектора гражданину Фордыбак Петру Степановичу, который и понес таковое на соответствующее согласование, увязку, консультацию и утверждение.

Вскоре по представившейся надобности ушли в столовую обедать и остальные сотрудники отдела, неосмотрительно зацепив за собой дверь комнаты. Как выяснилось из опроса последних, таковые больше в эту комнату в течение пяти дней не возвращались, в виду того, что между завтраками, обедами и послеобеденной закуской времени хватало еле-еле для того, чтобы в коридорах поговорить на политические и бытовые темы. Что же касается гражданина Фордыбак, то таковой, уйдя пять суток тому назад из комнаты на предмет согласования, увязки и т. д., до сих пор обратно не явился, в виду срочного перевода его на не менее ответственную работу в сектор бытового обслуживания сотрудников.

Оставшись в запертom помещении, Коротаев, как видно из многочисленных следов на полу и на дверях, долгое время пытался стуком обратить на себя внимание работников соседних секторов. Не будучи услышан ими и терзаемый муками голода, он вынужден был с'есть кожаные подметки своих ботинок и ремень от брюк, остатки коих прилагаю к делу.

Смерть, однако, наступила не от голода, а, очевидно, от медленного удушья, в результате необычайно спертom и пыльного воздуха в упомянутой мною комнате.

Старший инспектор уголовного розыска

Городенко.

Медицинское вскрытие полностью подтвердило диагноз, поставленный знаменитым детективом, товарищем Городенко.

Л. ЛАГИН

КАЛЕНДАРНАЯ ВСТРЕЧА

Рис. Б. Малаховского

Форварда лежат без глаза,
А вратарь без головы.

ЗАРИСОВКА УГЛЕМ

Точными быть помоги нам, о муза!
В четырнадцать тридцать, по верным часам,
На стадион своего профсоюза
Грузно проследовал „сам“.

Шел он, своим положением, саном,
Внешностью и популярностью горд.
(Был он, признаться, не самым „самом“,
Но имел персональный форд).

Обойдя стадион, как свою квартиру,
Осмотрев досконально и это и то,
Поманил он дланью инструктора тира
И приемщика норм ГТО.

„Молодцы! Добились-таки результатов!
Здоровая смена! Красавец народ!
Впрочем, я сам бы вам дал бы когда-то
Двадцать очков вперед.

И теперь, пожалуй... Хотя и не в форме...
Но да бы... ну, скажем... ну, 10 очёк!
Кстати. Выдай мне, братец, этот... о норме...
Ну, как его... Вспомнил! Значок!

Да! Кадры у вас — титан на титане!
Ну, а вы, стрелок? Проявляете пыл?
Я предтече вашему сдал испытанье,
А значок-то взять позабыл!

Мне, собственно, что?! Да пристала Маша:
Жена. „Носи, говорит, на груди“.
Ладно, ладно, давайте, покамест ваши!
У вас ими пруд пруди!“

И взял. И — солиден и благороден —
Сел и уехал. И только всего.
И пошла молва: „Он хотя и дорожен,
Но стреляет, бегают, плавают — во!“

И лишь секретарь под замком секрета
Хранит, что муж физкультурнейший сей
Бегал —

только от трудностей,
Плавал —

лишь в сметах,
А стрелял —

папиросы и книги друзей.

НИКОЛАЙ АДУЕВ

ЗАПРЕЩЕННЫЙ ПРИЕМ

Молодой начинающий шатен Вася Пирогов вот уже третью декаду работает чертежником на новом строительстве. И зот уж вторую декаду, как Вася Пирогов бродит по путям своей жизни с израненным сердцем.

Причиной тому — соседний колхоз. Будем откровенными и скажем все начистоту, как и полагается между честными людьми. Не колхозная новая молотилка, не гусеничный трактор нарушили покой молодого чертежника. Взорвала Васю сероглазая трактористка Ирина Березова.

И как-то раз, истомленный бессонными ночами и сладкой своей неразделенной тайной, Вася нервно дернул себя за чуб и сказал своему другу Пете Светлякову:

— Петя! Скрывать не стану... Я безумно люблю Ирину.

— А чем она тебе так нравится?

— Всем. Она — самая умная. Самая красивая. Глаза серые.

— Полюби тогда меня. У меня тоже глаза серые.

— Не шуги. Вот она, нечуткость к живому человеку! Дай мне лучше совет, как добиться взаимности, как привлечь ее внимание?

— Ну, ладно, не буду трепаться. Узнай, чем она интересуется. Литературой, скажем. Или музыкой. Может, почтовыми марками. Есть! Вспомнил. Она мне как-то говорила, что увлекается физкультурой, спортом. Постарайся потолковать с ней на эту тему.

— Погиб во цвете лет. Я в этих делах ничего не смыслю. Помогите! Научите! Ты в спорте что-нибудь понимаешь?

— Разумеется.

— Твой любимый вид спорта?

— Чай с вареньем.

— Это все, что ты можешь мне сказать?

— Нет, не все. У нас на стройке есть техник Лапин. Он выписывает спортивный журнал. Почитай и...

— Петя! Ты — гений.

— Не надо преувеличивать. Я только — молодое дарование.

II

Целых пять вечеров сидел влюбленный чертежник Вася Пирогов над спортивными журналами. Он читал, делал выписки, бегал по комнате и не своим голосом выкрикивал досель непонятные ему слова.

— Ринг! Раунд! Динамо! Братья Знаменские!

На шестой вечер он пошел в колхозный клуб, отыскал там Ирину и завел с ней разговор:

— Приятный сегодня вечер. И тучки на небе, и в кино — новая картина. А мне все-таки скучно. А отчего мне скучно? Нет здесь здоровых развлечений. Вот, например, есть такая игра. Между двумя палками вешают сетку. Потом берут большой мяч...

— Эта игра, — сказала Ирина, — называется волейболом. У нас уж второй год имеется волейбольная команда.

— Да?.. Я тоже волейболист. Старый волейболист. Но знаете ли, Ирина, чего мне здесь недостает? Водного бассейна для плавания.

— А к чему вам бассейн? Река у нас неплохая.

— Какая это река? Чей-то приток. А я с детства привык плавать по большим судоходным рекам, впадающим в море.

— Вот какой вы пловец! А какой стиль вам больше нравится: брасс или кроль?

Вася впервые услышал такие диковинные слова. Но, не смущаясь, ответил:

— С прошлого года перешел на брасс. В Москве теперь в моде только брасс.

Желая поскорее уплыть от этой темы, Вася сказал:

— Я очень увлекаюсь боксом. Однажды в Москве я уложил на двенадцатом ринге...

— Не ринге, а раунде, — поправила Ирина.

— Конечно, раунде... Это я просто так... У меня это раз и два: антрекот в подбородок, и будьте вы мне здоровы.

— Не антрекот, а апперкот...

Вася чувствовал, что запутался, но не желая все же сдаваться, продолжал:

— Я считаюсь большим специалистом по прыжкам. У меня на этот счет есть определенная точка зрения. Я считаю, что решающим является начальный момент прыжка и что при этом...

— И что при этом, — закончила Ирина Васину фразу, — направление вверх повышает траекторию. Это я на днях читала в одном журнале. А скажите, Вася, а вы и французской борьбой увлекаетесь?

— В самую точку попали, Ирина! Я ведь борец. Меня в Москве на Плющихе так и называли «дядя Вася». Знаю все приемы — и дозволенные и запрещенные.

— Я знаю тоже один запрещенный прием.

— Какой?

— Нельзя трепаться.

Ирина засмеялась, глядя прямо в покрасневшее лицо Васи.

— Вы меня обижаете, Ирина. Я не трепач. Могу доказать.

— Хорошо. В будущий выходной день у нас в колхозе физкультурный праздник. Будет и волейбол, и прыжки, и борьба, и плавание. Вот покажите себя.

— Пожалуйста. С удовольствием. Это я всегда могу.

У бедного чертежника душа уплывала в пятки. Но он бодрился и все повторял:

— С удовольствием. Обязательно...

II

Он прибежал к Пете ни жив ни мертв.

— Петя! Друг мой! Я должен бороться.

— Я тоже.

— И ты?

— Да. За качество продукции.

Но Вася на сей раз не оценил Петиной остроты. Обругав его за нечуткость, он, волнуясь и спеша, передал ему свой неудачный разговор с Ириной.

— Петя! Я должен доказать: или я трепач или спортсмен.

— То что ты не спортсмен, — это не нуждается в доказательствах. Ты и не законченный враль. Но всякий влюбленный — немножечко трепач.

— Посуди сам, как я могу бороться? Ведь увидев на арене верзилу с мускулами, я со страху тут же лягу на обе лопатки. Как я могу плавать, когда боюсь холодной воды?

— Прыгай!

— В Москве я раз прыгнул. С трамвая на Арбате. Уплатил три рубля. Больше не хочу.

— Плохо.

— Не плохо, а скверно. Придется бежать посрамленным. Когда будет физкультурный праздник, сяду на велосипед и укачу далеко в лес...

— Постой! Постой! — вскричал Петя.

— ...Укачу далеко в лес, спрячусь под плачущую березу...

— Остановись!

— ...Спрячусь под плачущую березу и буду вдаль от всех переживать свой позор, свой страдания...

— Остановись, несчастный велосипедист!..

Петя сдал Васину руку.

— Замолкни, оратор! В колхозе тридцать велосипедов. Ты же хороший велосипедист. Организуй велогонки. Велогонки! Понимаешь, балда? Не трепотня, а велогонки! И ты будешь не последним человеком на физкультурном празднике!

Вася смтрел на Петю, как зачарованный. Летний солнечный день. По большому тракту в майках тридцать велосипедистов. Тридцать первый он, Вася Пирогов. Он крепко держит руль в руках и нажимает на педали — вперед, вперед! Хорошо! Глаза у Васи светились большой радостью — радостью человека, почувствовавшего свою силу. Крепко за руль и — вперед, вперед...

Г. РЫКЛИН

ИСТИННО-НАРОДНЫЙ СПОРТ

Нельзя сказать, чтобы царское правительство и казенная общественность того времени были решительно против массовых развлечений на воздухе.

В Москве, например, на реке Яузе, где сейчас Бауманский район, довольно часто устраивались кулачные бои, радушно охраняемые полицией.

Газета «Новости дня» помещает такую спортивную заметку в июне 1911 года:

«Во время драки на Яузе у Дворцового моста в воскресенье ранено 42 человека, убито 2».

Подсчитав на пальцах количество потерпевших, московский градоначальник решил, что ранить и убивать лучше всего в менее населенных местах, и на докладе об очередной драке наложил резолюцию:

«Перенести кулачные бои в пригород».

Тогда с веским словом и горячими доводами выступили знаменитые черносотенные «Московские ведомости».

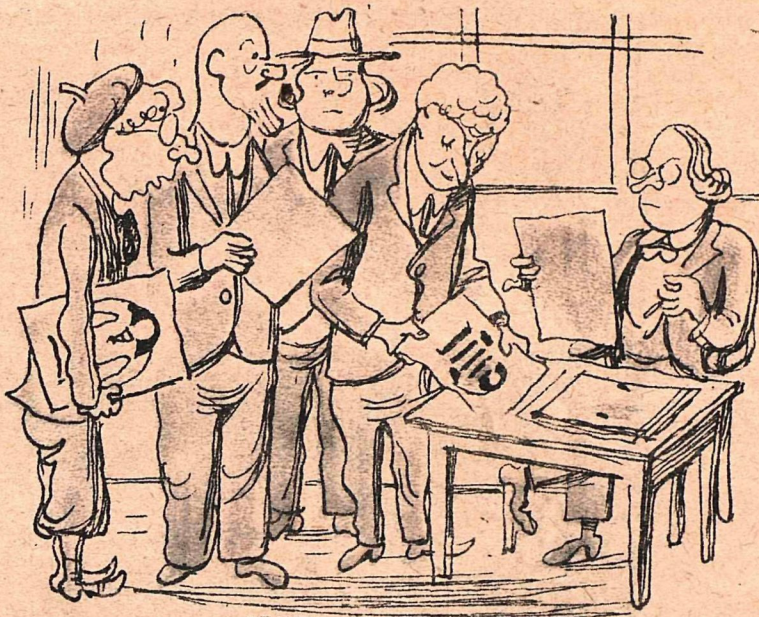
Газета писала:

«В русском простом народе заложено стремление к спорту. Кулачные бои — древнерусский обычай, освященный всей историей святой Руси. Это народный спорт. В нем народ-богатырь находит выход для дремлющей силы. Надо ли запрещать эти народные игры?»

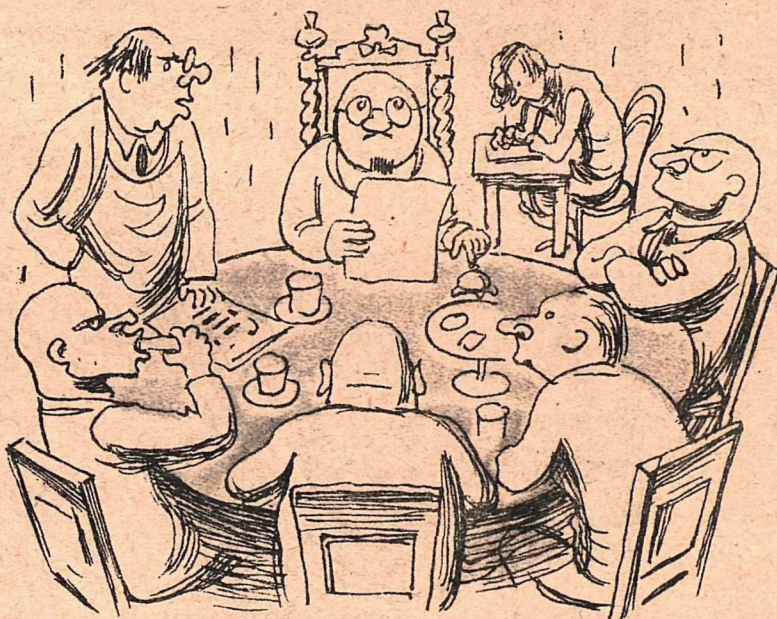
Портрета автора этих строк не прилагаем. Но вдумчивый читатель может сам догадаться, какие у него были лоб и уши.

НА МАЕЧНОМ ФРОНТЕ

Рис. Н. Радлова

Сначала художникам заказываются эскизы маек и футболок самой изысканной раскраски...

затем эскизы рассматриваются, одобряются и...

...ВЫНОСИТСЯ ПОСТАНОВЛЕНИЕ...

ОТ РЕДАКЦИИ: Для четвертого рисунка, на котором изображено, как выглядят физкультурники в унылых стандартных майках, нехватило места. Впрочем, читатель сможет это увидеть и без нашей помощи на любом физкультурном состязании.

— Стадион у нас, правда, неважный. Зато на нем можно сразу сдать нормы по бегу, прыжкам, плаванию и даже по горному спорту.

СВИСТУЛАЕВ, ПАРАШЮТИСТ

— До аэродрома! — сказал он хриплым, обветренным голосом и сел рядом с девушкой. Девушка обернулась, — у нее были светлые волосы и синие глаза. Нахмутив брови, он посмотрел через пыльное стекло на облака.

— Э, чорт! — произнес он с досадой, — обратно облачность низкая, обратно на парашюте прыгать нельзя...

— Облачка неважные, — ответила девушка.

— Типичные лятусы. Перисто-слоистые.

Она насмешливо оглядела его.

— Вы, наверно, с авиацией связаны?

— Как сказать, — скромно ответил он, — а почему вы догадались?

— В метеорологии хорошо разбираетесь...

Он поправил галстук.

— Не скрою, разбираюсь. Да чего там скрывать, профессия, она всегда наружу прет. Облака разные бывают: перистые-слоистые, кучевые-дождевые... У нас они особую терминологию имеют: лятусы, пектусы, кактусы и тому подобное. Разрешите представиться, Свистулаев, летчик-парашютист.

— Люся.

— Очень приятно.

Синий занавес дождя упал на ангары, по стеклу побежали светлые капли.

— Скажите, а в дождь трудно лететь?

— Как сказать, оно, конечно, и не трудно, но у меня на машине верхнее крыло протекает, вся вода на голову льется.

— А-й-яй, зачем же вы рискуете?.. Вы бы зонтик взяли.

— А чем держать?.. Руки-то управлением заняты.

— Так и заболеть не трудно.

— Летчики, они не подвержены...

Он вылез из вагона и бойко зашагал к аэродромным воротам. Но дойдя до часового и убедившись, что трамвай отъехал уже далеко, он быстро изменил курс на девяносто градусов и направился вдоль забора. Посмотрев в щелочку на аэродром, он тут же сел в обратный трамвай и вернулся в город. Вечером он сидел в компании и подробно рассказывал об ощущениях во время прыжка. Женщины ахали, мужчины бессильно кривились.

В учреждении, где работал Свистулаев, выступал мировой рекордсмен по высотным прыжкам. Каждый из зрителей, знавший по фотографиям этого человека, старался всмотреться в его лицо, прочитать на нем те неуловимые линии, которые определяют не человеческую отвагу и решительность. Рекордсмен вел себя тихо. Свистулаев наседа на него, хлопал по плечу и уже давно перешел на «ты».

— Ты, Коля, брось зарываться!.. Завтра я бью твой рекорд!..

Рекордсмен скромно улыбался.

— Ну-ну, давайте!..

Вечер открыл Свистулаев. Несмотря на жару, он вышел на сцену в меховом шлеме.

— Сегодня мы расскажем об ощущениях на затяжных прыжках. Валяй, Коля!..

Затаив дыхание, зал слушал замечательный рассказ скромного и такого удивительного юноши.

— Мороз доходил до сорока градусов. Самолет достиг потолка, — мы находились выше восьми тысяч метров. Сев на борт, я почему-то вспомнил о своем четырехлетнем сыне. Получив сигнал, я рванулся вниз, одновременно нажав кнопку секундомера...

— Одну минуту, Коля. — Свистулаев отстранил парашютиста. — Товарищи, разрешите пояснить: перед прыжком каждый из нас кого-нибудь вспоминает: жену, сына, или у кого их нету, то отца. Это уже обнаруженный факт. Как показано медициной, не вспоминают только ненормальные парашютисты. Ясно, понятно? Валяй, Коля, — он с такой силой хлопнул рекордсмена по спине, что тот зашатался.

— Проскочив первый слой облаков, я запел...

— Вот это неправильно, — заметил Свистулаев.

— Почему? — робко обернулся рекордсмен.

— Во-первых, встречный ветер попадает в рот, чем и тормозит пение, во-вторых, заболеть можно: выпрыгнул здоровый, а приземлился с ангиной. Это, товарищ, чеховщина. Записки охотника...

Он внес в доклад сорок три поправки.

После выступления они условились встретиться на аэродроме.

Свистулаев всегда врал с такой уверенностью, что его и самого невозможно было разубедить во лжи. Прежде чем поехать на аэродром, он договорился о своем выступлении по радио. Взяв сто рублей аванса, он распрощался с рыдающей матерью и отбыл на аэродром. У самых ворот он повстречал Люсю.

— Вы куда?

— Ехала с вами в трамвае и заинтересовалась авиацией. Иду поглядеть на прыжки!.. Вы прыгаете сегодня?

— Ну, как же! Сегодня мой сорок восьмой прыжок! — не сморгнув, соврал Свистулаев.

— А можно мне с вами пролететь сегодня? — робко спросила Люся.

— Пожалуйста! Вдвоем с вами? Боже, что может быть лучше! Там за облаками, я вам кое-что скажу...

Рекордсмен познакомил Свистулаева с начальником парашютной школы.

— Хотите прыгнуть?

— Да, — не совсем твердо ответил Свистулаев. — Мне необходимо испытать ощущения для передачи по радио.

— Отлично!.. Сразу видно, что вы смелый человек!

— Как сказать, не очень, но смеловатый...

Получив разрешение, Свистулаев залез в кабину и гордо стал оглядываться по сторонам, ища Люсю: ему хотелось доканать ее. Скрылась, обидно... Пилот, нагнувшись на лицо полумаски очков, выслушивал приказание начальника.

— Прежде чем допустить этого товарища к прыжкам, необходимо испытать приспособленность его организма. Сделайте с ним ознакомительный полет с несколькими фигурами высшего пилотажа.

— Есть!

Самолет тронулся, очки запрыгали на носу, Свистулаев начал их прилаживать, решив проследить момент стрыва от земли. Приладив, наконец, резинку, он глянул за борт и ахнул: далеко-

далеко внизу лежали вишневые крыши ангаров. И тут он понял, что никогда в жизни он не прыгнет, что это — бред, что он любит тишину, кровать, трамвай, компот, мух на окне, — и все то, от чего он, дурак, отрекался, казалось теперь таким родным и милым!

Пилот вел машину бережно. Прошли первый слой облаков, мотор гудел полным жизнерадостным голосом и вдруг осекся: медленно покачиваясь, самолет мягко оседал по вертикали.

— Парашютирование, — крикнул пилот, — правда, приятно? — и не успев Свистулаев кивнуть головой, как машина задралась и, свалившись на правое крыло, завертелась в сумасшедшем вихре. Отважный Свистулаев, вцепившись в сиденье, с замершим сердцем глядел поверх крыла, — облака каруселью шли перед глазами. Со свистом выйдя на прямую, пилот крикнул:

— Штопор! Мы сделали четыре витка!

Что-то знакомое послышалось ему в голосе пилота. Пройдя по прямой и дав Свистулаеву притти в себя, пилот сделал лихой переворот через крыло: горизонт провалился куда-то вниз, косо по вертикали пересек поле зрения, и облака вдруг бросились на машину. «Ну и ну!» — думал Свистулаев, повиснув на бортах кабины и чувствуя, как к горлу подступает тошнота. В это время пилот убрал газ и поднял очки. Свистулаев обмер: Люся!!

От удивления он чуть не выпрыгнул из самолета. Она улыбалась.

— Вы выполнили свое обещание, — и мы с вами вдвоем... Хотите еще фигурку? — невинно спросила она. — Вы какую любите?..

Он показал руками что-то неопределенное, напоминавшее волну.

— Горки? — обрадовалась она. — Пожалуйста.

Верный способ вызвать у любого человека тошноту — лететь «горками»: раскачивать машину с хвоста на нос. На пятой горке отважный Свистулаев завалился в кабину и через секунду показался обратно, бледно-зеленый, с блуждающими глазами.

— Нравится? — спросила Люся.

Он поднял лицо и посмотрел на нее бессмысленным взглядом.

— Ну, вот мы и одни, — сказала она, очаровательно улыбаясь, — вы обещали что-то шепнуть на ушко?.. Я жду...

Он высунул язык и показал рукой, что с ним происходит.

— Я думаю еще пару перевертчиков завернуть! — словно не понимая, предложила она. Он покачал головой: довольно.

— Но летчики ведь не подвержены, кажется?

Больше он не отвечал.

Его вытащили из самолета и положили на траву. Голова шла кругом — и небо, и люди, и облака тянулись в хороводе. Отлежавшись, он встал и побежал к реке.

Вечером, сидя в кругу родных и знакомых, Свистулаев делился ощущениями во время затяжного прыжка:

— Мороз доходил до сорока градусов. Сев на борт, я почему-то вспомнил о сыне...

— О чем сыне?..

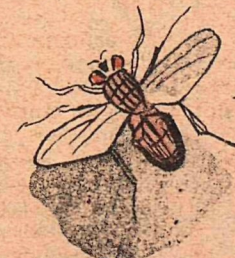
— А тут... О соседкином. Такой не-большой мальчуган. Годика четыре будет. Такой шалунишка. Невольно вспомнился... Получив сигнал, я рванулся вниз... Проскочив облака, я запел...

— Да ну?! — удивлялись гости. Это для чего ж?..

— А так. Для разнообразия в полете: то молча летишь, а то поешь... Один ведь летишь. Скука. Ни одной собаки. Лишь пектусы-кактусы мимо пролетают... Все хорошо, — приземлился неважно, не рассчитав. В реку снесло... — и он гордо указал на мокрую одежду, развешенную для сушки у печки.

ИВАН РАХИЛЛО

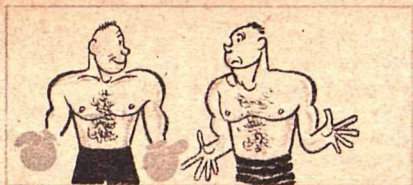
Рис. Л. Бродаты

1-я МУХА: — Спасибо, соседка!

2-я МУХА: — Паук?

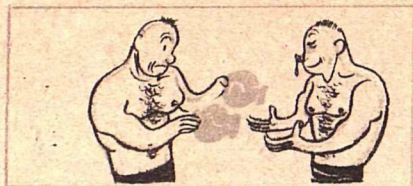
1-я МУХА: — Нет, — Иванов: у него 98 из ста возможных!..

— Боксировать? К сожалению, я нигде не мог купить перчаток для бокса...

— ...Пустяки. Мы же с вами товарищи. Сначала я нанесу вам удар...

...Потом передам вам свои перчатки...

...Потом вы меня ударите ... Потом передадите мне перчатки... А там не пройдет и двух-трех лет, как они появятся в продаже... Стоит ли из-за этого останавливать тренировку?

РАЗ'ЕЗДНЫЕ

Оборотливый герой у О. Генри говорит:

— Если бы нас с Джимом пустили на луну, мы моментально продали бы ее каким-нибудь ротозеям на сланце.

Спекулянтам от физкультуры луну продавать, конечно, не под силу. Но футбол они все же успели превратить в лавочку. И наиболее распространенный вид распродажи футбола — это сезонное гастролерство команд, носящее явно предпринимательский характер. Вот любопытный типовой документ одной из таких бродячих футбольных трупп:

Копия.

АМССР г. Тирасполь.

гор. Иваново-Вознесенск.

Футбольная команда сборной АМССР, окончившая школу мастеров по футболу под руководством тренера сборной Украины тов. Кротова, имеющая в своем составе игроков Харькова, Донбасса и сборной Одессы, едущая в поездку по Волге может провести у Вас две товарищеских встречи в первых числах мая на следующих условиях: 2000 руб./две тысячи руб./питание и госпиталь. Просьба сообщить не позже второго, третьего мая на наш адрес АМССР гор. Тирасполь Высший Совет ФК Ибрагимову.

/Белов/.

Верно. — *Упр. делами Обл. спорт. ЧПО Рескент*

Для полного сходства со стилем прежних объявлений паровых прачечных о быстрой стирке белья и доставке его на дом нехватает только последней строчки:

„В ожидании ваших уважаемых заказов

Футбольная фирма „Рококо“ с сыновьями.“

ДЕТАЛИ АМЕРИКАНСКОГО РЕГБИ

УЦЕЛЕВШИЙ РЕГБИСТ: — Г-н судья, обе команды кончились, давайте следующих.

ДВА ФИНИША

Куда ни кинешь,
Всюду — финиш.

Еще сравнительно недавно в кино продавались либретто демонстрировавшихся картин. Зритель, ожидая начала сеанса, мог заранее протудировать содержание фильма и потом сравнительно легко разбираться в том, кто кому по ходу действия приходится женихом, а кто кому — миллионером. Теперь этих либретто не выпускают. А жаль. Некоторые из картин очень нуждаются в предварительных (и дополнительных) разъяснениях.

Вот в связи с выпуском спортивного номера мы просмотрели две кинокартины, относящиеся к спорту. Просмотрели — и на пользу широкой читательской массе выпускаем краткие либретто к этим фильмам — согласно забытому ныне обычаю...

1. ГЛУПЫШКИН — АРХИТЕКТОР

«Глупышкину» пришлось в голову принять участие в архитектурном конкурсе. Вот Глупышкин чертит свой проект, в то время как жена его устраивает семейную сцену. Вот Глупышкин сдает свой проект. Вот Глупышкин чего-то испугался и едет на юг. Вот Глупышкин валиет дурака на курорте. Вот Глупышкину дают первую премию. Вот Глупышкин учится ездить на велосипеде. Вот Глупышкин еще чего-то делает, а чего и зачем, понять покуда невозможно. Зритель искренно хохочет весь сеанс.

Примечание: Картина на самом деле называется не «Глупышкин-архитектор», а «Флаг стадиона». Зритель не хохочет, хотя авторы фильма очень настаивают на этом. Они все сделали (по рецептам 1910 года), чтобы зритель хохотал. Но зритель не хохочется.

Тем более, что ему предлагают еще и такой смехотворный эпизод: будто бы советский архитектор, якобы, сдав проект стадиона, узнает будто бы, что кто-то кому-то, якобы, сказал, что в этом проекте наблюдается будто бы идеализм. И тогда, якобы, архитектор бежит из Москвы, будто

бы боясь ареста за такое, якобы, преступление. Этот эпизодик очень подошел бы лет 10 назад для среднего белогвардейского романа. Сейчас он устарел даже и для эмигрантов. Насколько он нужен нам, можно легко догадаться.

Кроме того, в картину всунут спорт. Видно опять-таки, что авторы фильма понятия не имеют о том, что такое есть спорт и как с ним обращаться. И всовывали его в картину крайне неумело. Спорт не влезал, авторы чертыхались, карежили его, комкали и совали его совсем не туда, куда следовало... Всунули.

Кончается картина, конечно, финишем велопробега, плюс поцелуй.

2. НАСТОЯЩИЙ ЯНКИ

«Молодой американец Маркус любит молодую американку Энн. Местный квартальный злодей — американец Эндрю — хочет молодую Энн отбить, а молодого Маркуса побить, тем более что он не только злодей, но и чемпион по бегу.

Тогда молодому Маркусу ничего не остается делать кроме того, что быстро-быстро стать тоже, если уж на то пошло, чемпионом. Известно, что настоящий американец держит в своих руках свою судьбу: захочет, — станет чемпионом, захочет, — миллионером, захочет, — бродягой. Маркус захотел стать чемпионом, капельку потренировался и, конечно, обогнал злодея почем зря. Девушка Энн окончательно в него влюбилась, и они поцеловались в обмусоленную тысячами финальных поцелуев диафрагму».

Примечание: Этот выдавший виды американский сюжет идет на советских экранах под названием «Счастливый финиш». Правда, сюжетик перелицован на украинские нравы: молодой американец Маркус стал называться Марко. Американка Энн — Аня. Злодей Эндрю — Андрей. Небоскребы заменены харьковским домом промышленности. А в остальном все, как в Америке.

То-есть, слава богу, не все, как в Америке. Маркусов и Эндрю, по счастью, не видать. Действуют в картине советские парни и девушки, засыпая приятная ук-

раинская натура. И наши стадионы. И наша советская публика. Наш спорт. И вдруг — нате вам: американское оформление.

Да, согрел сценарист. Напутал режиссер Коломойцев, а главное, — консультант картины по части физкультуры ленинградский мастер спорта Меерович прозевал этот липовый американизм.

Впрочем, с товарищем Мееровичем у нас длинные счеты.

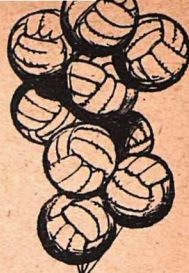
Конечно, партаккулярный человек не обязан знать, какая разница между спринтером и стайером. Экономисту из треста Средпромбром простительно думать, что спринтер это, скажем, перила к новым эскалаторам московского метро. Подавальщица из кафе «Миссисипи с пивом» вправе предполагать, что стайер — это новый вид трикотажных изделий (помесь джемпера с напульсниками). Но мастер спорта Меерович должен был бы знать, что спринтер — бегун на короткие дистанции, стайер — на длинные. А дистанция, о которой идет речь в картине, — средняя. И потому в надписях и диалогах надо по возможности избегать обоих терминов — спринтера и стайера. Ну, а в «Счастливом финише» раздаются эти неуместные названия почем зря.

Мог бы еще тов. Меерович заметить, что у нас в Союзе сдача норм «ГТО» не производится шопотом или в темной фотолаборатории. А в «Счастливом финише» украинно-американец Марко получает значок «ГТО» самым засекреченным образом.

Особенно бросается в глаза сверхзлодей — чемпион Эндр... Андрей. Он и дерется, и товарищ плохой, и конкуренту по бегу сует в туфлю гвоздь... Чего-чего, а таких типов наш спорт не знал и не знает. Ну, просто, не бывает таких. Консультант Меерович мог бы, конечно, заметить нелепость этой фигуры. Но, видно, Мееровичу некогда было: он сам играет в картине... роль этого злодея.

И действительно, злодейски подвел постановщиков.

ИВАН ДИТЯ

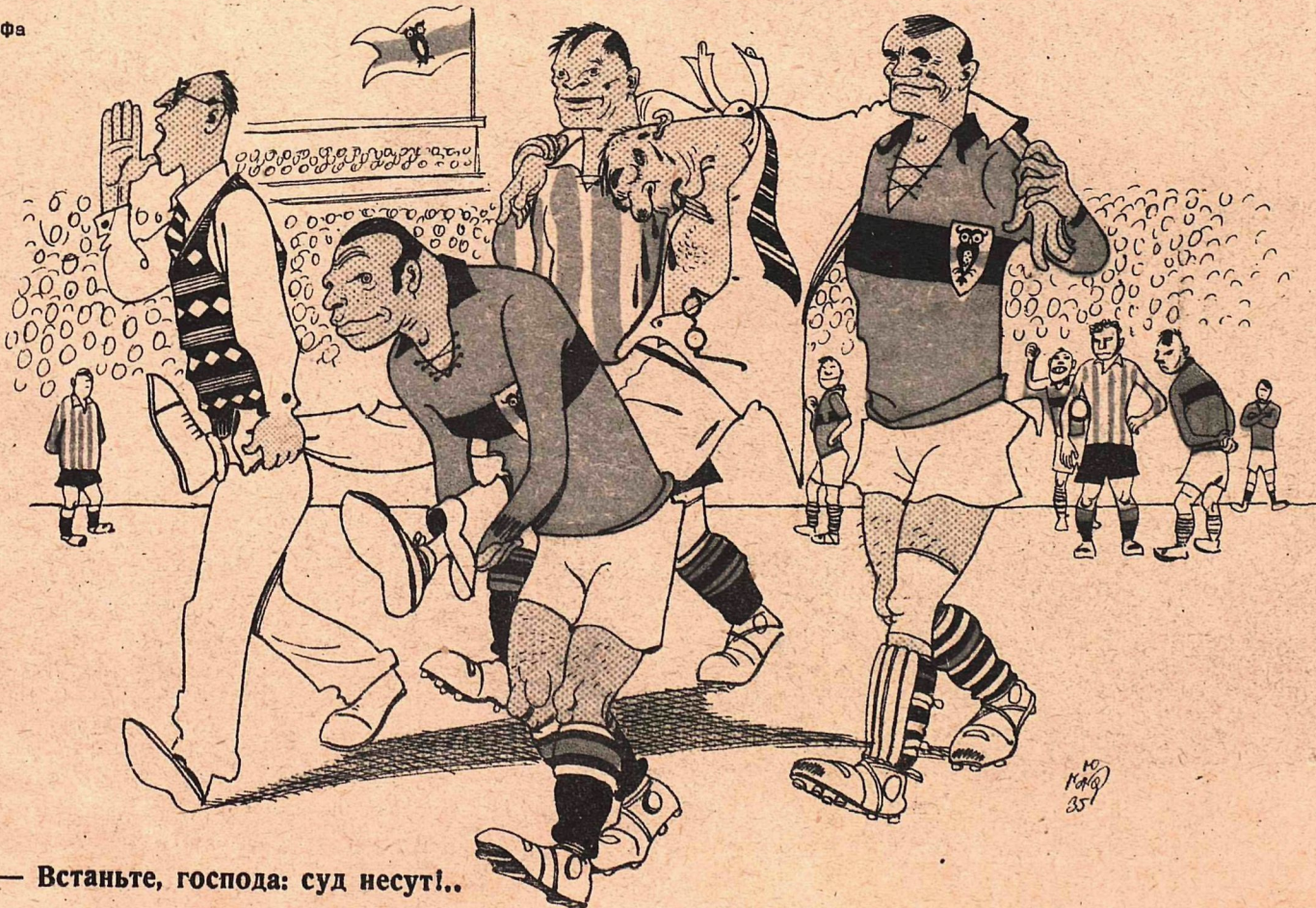
НОВИНКА СЕЗОН

Рис. Н. Ротова

— А вот кому надо фу-больных мячей последний выпуск! Держи — улетят!

ФИНАЛ АМЕРИКАНСКОГО МАТЧА

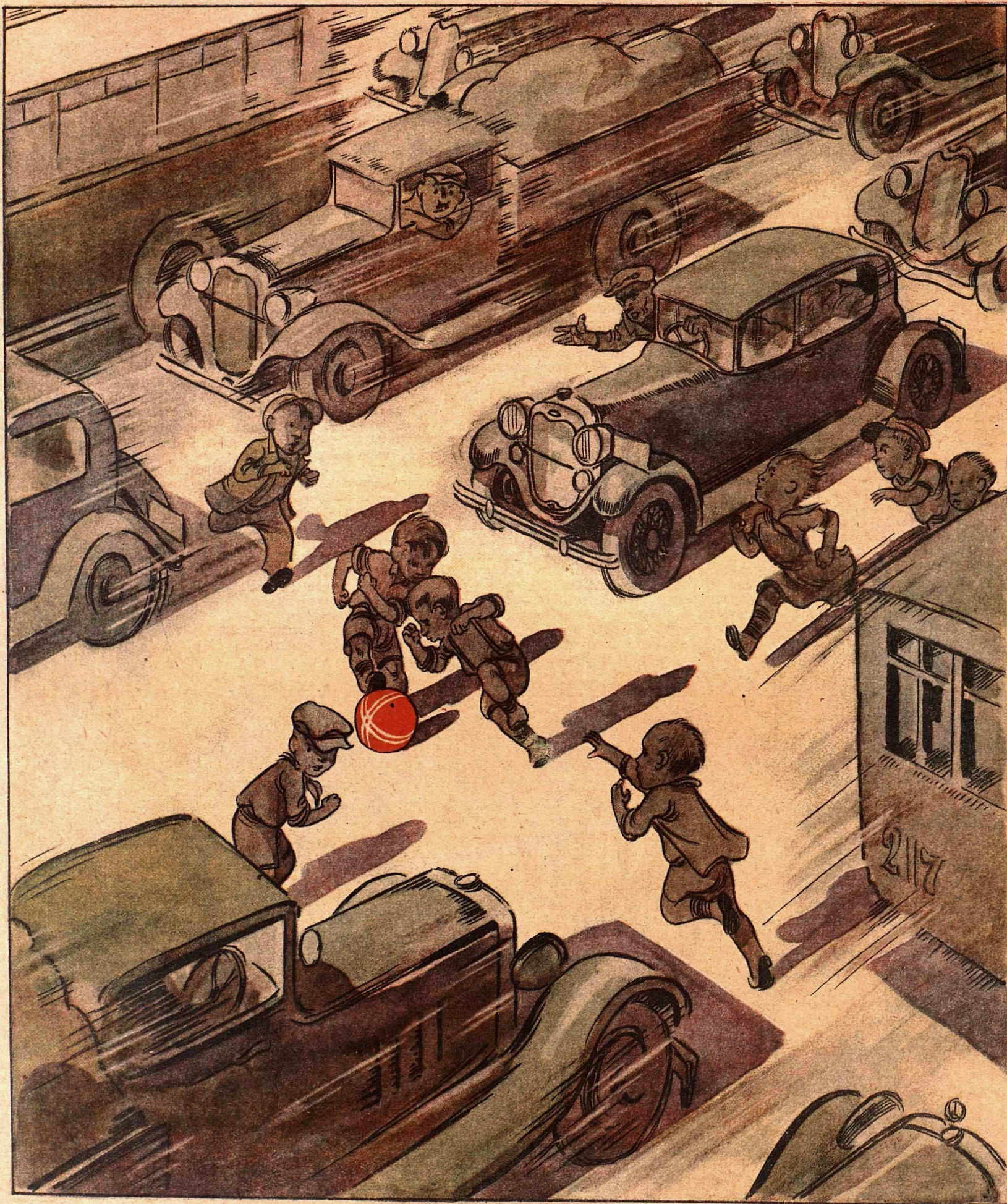
Рис. Ю. Ганфа

— Встаньте, господа: суд несуг!..

НАБРОСОК С НАТУРЫ

Рис. М. Храпковского

Детский стадион им. Наркомпроса.

На суше и на море

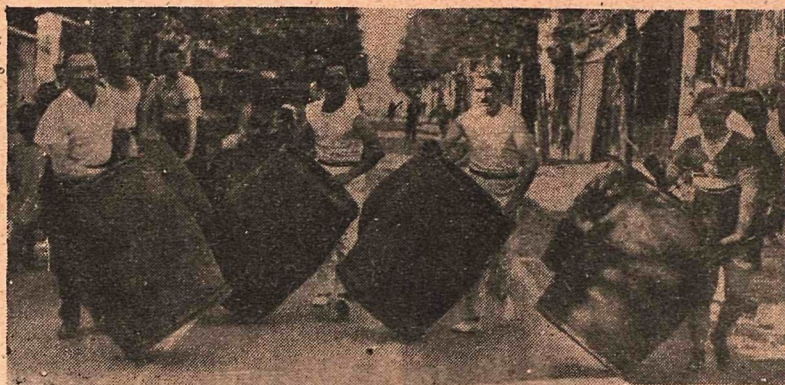
СТАРИКОВСКИЕ ДОСУГИ

Этому улыбающемуся гражданину средних лет недавно стукнуло 103 года. Его фамилия Гамиотис. Проживает он в штате Вашингтон, США.

Любимым стариковским времяпрепровождением мистера Джона Гамиотиса является сгибание руками стальных трубок. Он сохранил до глубокой старости в целости губы, нос, уши и неплохое здоровье, из чего следует, что он никогда не был у себя на родине профессиональным спортсменом.

ЛЮДИ И БОЧКИ

Диоген, древний греческий мудрец, прибегал к глиняной бочке всегда, когда ему нужно было уединиться, чтобы хорошенько подумать на волновавшие его темы. За две с половиной тысячи лет, прошедших со дня его смерти, культура сильно продвинулась вперед.

Появились деревянные бочки, алюминиевые, железные. И появились люди, которые, в противовес Диогену, начали прибегать к бочке для того, чтобы хоть некоторое время не думать.

На снимке: «знатные люди» одного из французских городков. Соблюдая все твердо разработанные на сей предмет нормы, они в максимально короткий срок и с наибольшим изяществом прокатили железные бочки на дистанцию в 100 метров.

Как говорится, каждому свое.

КАК БИТЬ?

Как бить? Как бить? Каким образом наладить бесперебойное и беспрекословное избивание революционных трудящихся? Над этими животрепещущими вопросами в сердечном единении работают глубочайшие полицейские умы германских фашистов и «дальневосточных арийцев» — японцев. Между полицией обеих стран происходит постоянный и плодотворный обмен опытом и инструкторскими силами, и не их вина, если, несмотря на это, рабочее движение в обеих странах идет на подъем.

На снимке: трогательный момент демонстрации японским инструктором германским полицейским чинам способов борьбы с рабочими демонстрантами методами «джигу-джигу».

ГОЛЫЕ КОРОЛИ

Эта молодая парочка (см. фото в середине), разукрашенная, как раки с мощами, — Катерина Роулс и Джек Мелика, только-что помазанные Чикагским атлантическим клубом на царствование, королева и король водного спорта.

Справедливость требует отметить, что для королей у них довольно смысленные лица. Роднит их с немногими

сохранившимися еще королями как европейскими, так и азиатскими и африканскими невысокий культурный уровень и полнейшая политическая безграмотность, не считая, конечно, общей для всех их неопределенной и чреватой всякими неприятными неожиданностями будущности.

После кратковременного царствования при экономии и бережливом образе жизни экс-короли водного, равно как и других видов спорта, могут рассчитывать на более или менее обеспеченную старость в качестве владельцев табачной лавочки.

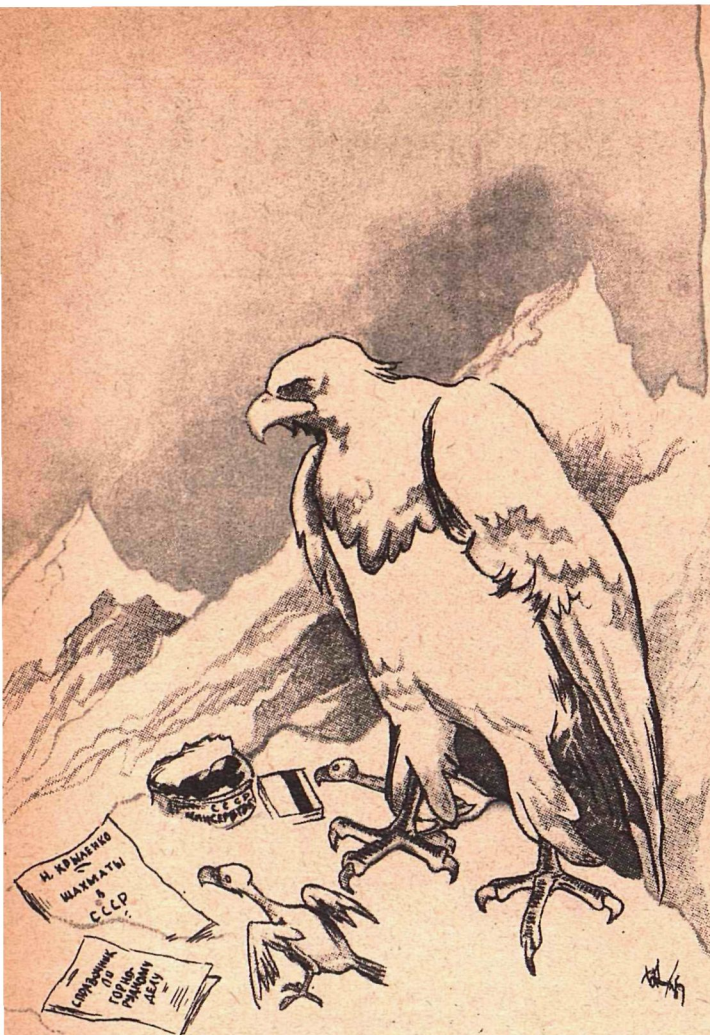
КУРЯТИНА ВПРИГЛЯДКУ

На снимке: своеобразный стадион для малолетних слоев населения в греческом городе Салоники. Если верить буржуазной печати, петушьи бои являются любимейшим спортивным зрелищем салоницких текстильщиков, металлостроителей и моряков.

По совести говоря, в этом нет ничего удивительного, ибо для греческих трудящихся петушьи бои являются редким случаем полюбоваться на курятину и помечтать о том недалеком уже времени, когда она займет полагающееся ей по законам кулинарии и пролетарской революции место в ежедневном меню рабочей семьи.

Как раз тогда же будут отведены для пролетарского спорта лучшие буржуазные стадионы страны.

НА ВЫСОТЕ 7000 МЕТРОВ

Рис. Б. Клинка

— Не троньте ничего, детки: они еще сюда вернутся!

Я не любил спорта. Нет, я его любил, но я им не занимался. Вернее, занимался, но у меня нехватало способностей: не было выдержки, чтобы довести каждый вид спорта до совершенства. Я пробовал играть в лапту, но мне ни разу не удалось попасть в мяч.

Я пробовал играть в городки, но попадал палкой в прохожих, как будто я охранял построенную мной фигуру.

Я пробовал заниматься системой Мюллера. Мне понравился портрет Мюллера на обложке.

Он отрицал искусственность. Он отменял всякие аппараты и вместо бассейна с водой рекомендовал таз. Но он позабыл сказать, что таз должен быть металлическим.

Я сел в свой красивый таз, но раздавил его своей тяжестью.

Я поверил, что стану худеть, если каждое утро буду ложиться на спину на ковер и садиться пять раз подряд, для облегчения заправляя ноги под шкаф. Я заправил ноги и сел, но шкаф упал на меня и похоронил между своими дверцами.

Я бросил спорт и заплатил за это невыгодным для себя обменом вещей, к которому я был склонен, благодаря своей непрактичности.

На днях я решил лететь. Я воспользовался встречей московских журналистов с мастерами авиации в центральном аэроклубе в Тушино, так как в программе встречи стояло: «Полеты гостей и завтрак».

Там мне удалось познакомиться с молодой девушкой, которая только что получила орден Ленина. Она его получила «за

РАСКРАСКА ЗРИТЕЛЕЙ

У нас многие жалуются на унылую раскраску спортодежды.

Нет в ней той приятной, играющей под солнцем пестроты, нет в ней тех красочных переливов, которые так эффектны на поле.

Повидимому, учитывая это обстоятельство, администрация московского стадиона завода им. Сталина решила внести некоторую струю красочности хотя бы в одежду зрителей. И это ей блестяще удалось.

Трибуну стадиона побелили какой-то отвратительной несохнувшей краской, и когда на футбольных состязаниях 6 мая зрители расселись на местах, никто из них даже не предполагал, что уйдет с состязания, разукрашенный всеми цветами радуги.

И после состязания любители футбола долго и упорно освобождались при помощи щеток и бензина от радужно предложенной им раскраски. А некоторые и до сих пор еще носят на пиджаках и брюках следы своего увлечения футболом и знакомства с распорядительностью администрации стадиона.

Заслуженный мастер спорта МАЛЯЕВ

КЛАССИКИ О ФИЗКУЛЬТУРЕ

А. С. ПУШКИН

О чемпионе СССР по борьбе
Пустынникове:

„...О, тяжело пожатье каменной его десницы!“

О встрече с мировым стайером
С. Знаменским:

„И шестикрылый Серафим на перепутьи мне явился“.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

О массовом водном спорте:

„Белеет парус одинокий...“

„У-2“

выдающиеся заслуги в развитии парашютизма и за многократное проявление отваги и мужества, за установление в 1934 году мирового рекорда затяжного прыжка для женщин».

Я почувствовал зависть. Я выслушал ее лекцию и узнал, что если я выброшусь с высоты, я не буду лететь с бесконечно возрастающей скоростью, пока не расклясь от трения о воздух. Я достигну «критической скорости» и потом полечу даже несколько медленнее, получая время одуматься.

Я поехал на аэродром обнадеженный, решившись лететь на «У-2».

Я полетел незаконно. Летчики были согласны возить нас всех, но распорядитель Дома печати настоял на том, чтобы составить список.

В список я не попал. Тогда я обратился к отзывчивому человеку, художнику Ротову, который, узнав, что лететь для меня было органической необходимостью, уступил мне свое место в списке.

Распорядитель не поверил, что я — это Ротов, но свидетельство самого художника, известного своей редкой правдивостью, предотвратило все неприятности. Художник, как и все остальные, полетел сверх списка, и на его воздушных ощущениях это не отразилось.

Я не скажу, что я волновался. Я был спокоен.

Я мог бы лететь на «АИР», в закрытом самолете, но я предпочел «У-2» — открытый.

Если бы я растерялся, то на приглашение вступить на крыло я бы спросил: «На какое

крыло — на верхнее или на нижнее?» Я совершенно нормально провалился на несколько узкое сиденье впереди летчика, но когда он попробовал притянуть меня к месту ремнем, я заметил, что ремень почему-то не сходится спереди.

Летчик делал виражи, и я спокойно проверил правдивое описание земли, «ставшей сразу похожей на карту», и домов, «сделавшихся сразу похожими на карточные», которое делалось до меня всеми моими предшественниками.

Я сопел, думая лишь о том, чтобы скрыть проступившее на лице выражение храбрости.

Я поблагодарил летчика — своего летчика. Я поблагодарил общего летчика, который распоряжался посадкой. Я поблагодарил третьего летчика, который читал нам доклад о планеризме. Я поблагодарил четвертого летчика просто так. Я хотел поблагодарить пятого летчика.

Я хотел поблагодарить всех остальных летчиков за то, что они были все такие тренированные, здоровые, простые и удивительно опрятные. И за то, что они были такие веселые, — веселее всех нас, — хотя, когда разразится туча, нависшая над всем человечеством, они первые примут и отраят ее самые страшные молнии.

И этой их чистоте, здоровью, гостеприимству, простоте, верности, храбрости и веселости помогала та физкультура, которой мое земное, неуклюжее поколение почти не знало.

ГЕОРГИЙ ЛАНДАУ

ПОБЕДИЛ ЯКИМЕК

— Почему необходима физкультура?

— Для гармонического развития.

— Чем отличается физкультура Эллады от спартанской?

— В Элладе — гармоничное развитие, в Спарте — грубое.

— В какой стране и в каком году появилось первое рабочее спортивное объединение?

— В Германии, в 1892 году.

— Теперь скажите, дорогой товарищ, что такое палестрика, ольхестрика и сферистика?

Так, рассказывая по комнате и жестикулируя, экзаменовал сам себя доктор Якимек. Для пущей серьезности он, задавая вопрос, останавливался в середине комнаты, нагибался и лукаво наклонял ухо: что-то ответит ему доктор Якимек? А доктор Якимек, несколько не смущаясь, выпрямлял грудь и отвечивал:

— Палестрика — это легкая атлетика!

— Например? — любопытствовал Якимек.

— Метание копья, — отвечал Якимек.

— Хорошо. А сферистика?

— Сферистика, видите ли, не что иное, как упражнение мячом... Правильно ли я говорю?

Доктор Якимек отнес вчера заявление в спортивный клуб кустарей-одиночек «Свои люди сочтемся». Подали заявления одновременно с ним еще два врача. Мог возникнуть вопрос о конкурсе.

Впрочем, Якимек был в основном спокоен. О явном его преимуществе перед другими наметнул сам председатель правления клуба.

Один его конкурент — ушник Кашицын отрабатывал уже семь совместительств, и для спортивного клуба он был только одной восьмой врача. Другой конкурент — венеролог Дашуцын представлял по тем же причинам одну девятую врача, а Якимек приехал в этот город всего три дня назад и пока что заполучил только три службы: санитарного врача при фабрике-кухне, лаборанта при той же фабрике-кухне и заведующего адропунктом

при этой же фабрике-кухне. Не доктор, а клад для спортсменов!

Затем (это произвело особенное впечатление на председателя клуба) Якимек, будучи мальчиком, сам играл в футбол. Он был голкипером! Затем Якимек каждый день моется до пояса холодной водой и почти не боится простуды.

Кто же может конкурировать с ним в медицинском обслуживании физкультурников?

И, наконец, последнее: неужели он не сможет, пользуясь специальными инструментами, определить ширину груди при вдохе или, скажем, при выдохе? Или определить точный рост человека от затылка до пят. Чепуха. Это и портной сумеет сделать.

... Нет нужды распространяться: Якимек остался победителем.

А на следующий день началась практическая медицинская деятельность.

— Откройте рот, скажите: «а».

— А-а-а...

— Аппетит есть?

— Есть.

— Курите?

— Да.

— Потеете?

— Потею.

— Фамилия?

— Иванов. Павел.

— Элладу знаете?

— Не знаю.

— А Спарту?

Затем следовало заключение:

— Иванову Павлу, 17 лет, габитус — ничего себе, разрешаю три часа в день заниматься волейболом, два часа в день — метанием ядра и три часа — футболом (на первых порах — голкипером). И обязательно мыться до половины холодной водой раз в пятидневку.

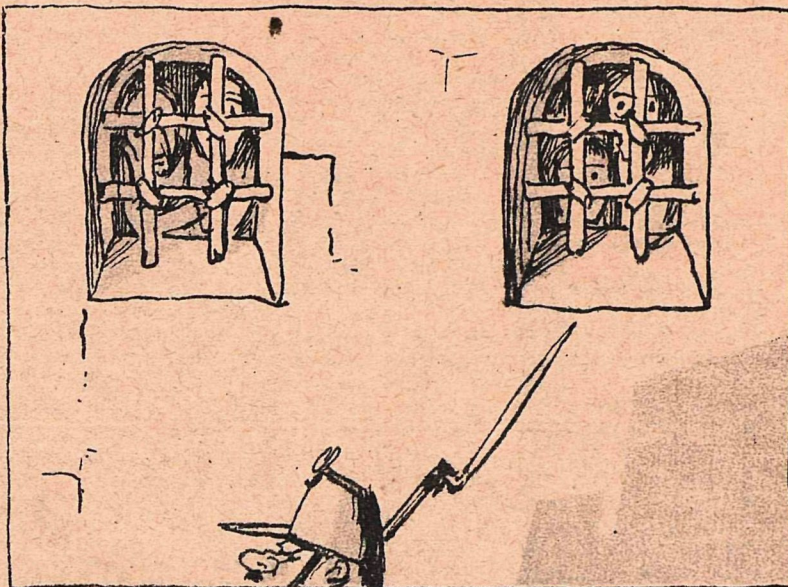
В спортивном клубе «Свои люди сочтемся» все были счастливы. В местном совете физкультуры — тем более. В Наркомздраве — в особенности.

Еще бы: физкультурная сеть обеспечена медицинскими кадрами на все сто процентов!

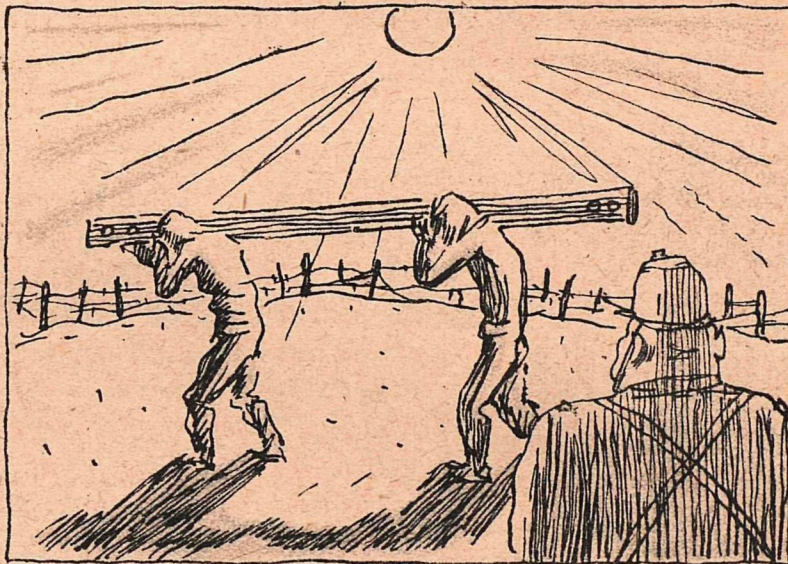
А. АГРАНОВСКИЙ

ФИЗКУЛЬТУРА ПО-ФАШИСТСКИ

Рис. Н. Радлова

Воздух...

солнце...

РАССТРИЖЕННЫЙ ЧЕМПИОН

Одним из лучших велосипедистов в конце 90-х годов был харьковец Александр Игнатовский.

Его основная профессия не очень гармонировала с его спортивными увлечениями.

Он был священником.

Для того чтобы его не застали за этим бесовским действием, Игнатовский потихоньку уезжал за город, снимал рясю и садился на своего металлического коня.

Но духовное начальство не дремало.

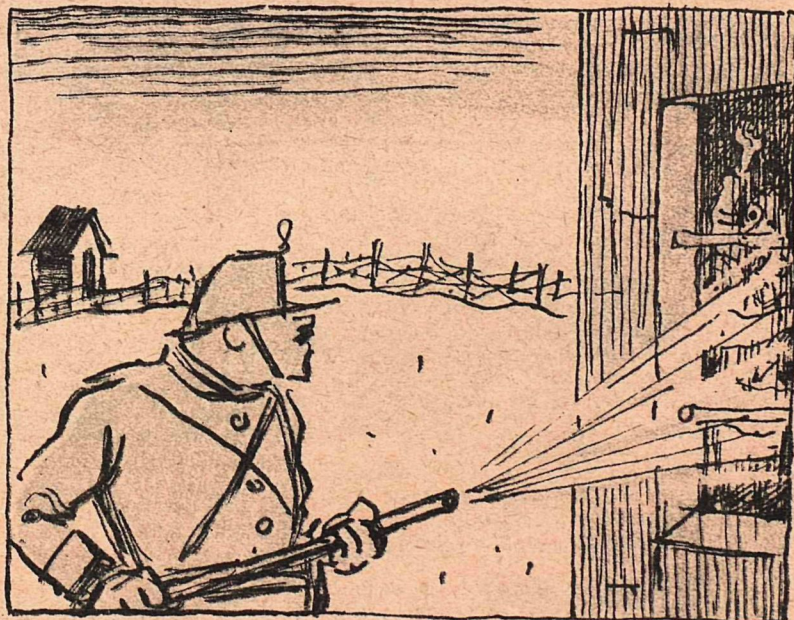
Игнатовского поймали во время тренировки и донесли об этом митрополиту Амвросию.

Многодумный и многомилостивый Амвросий постановил:

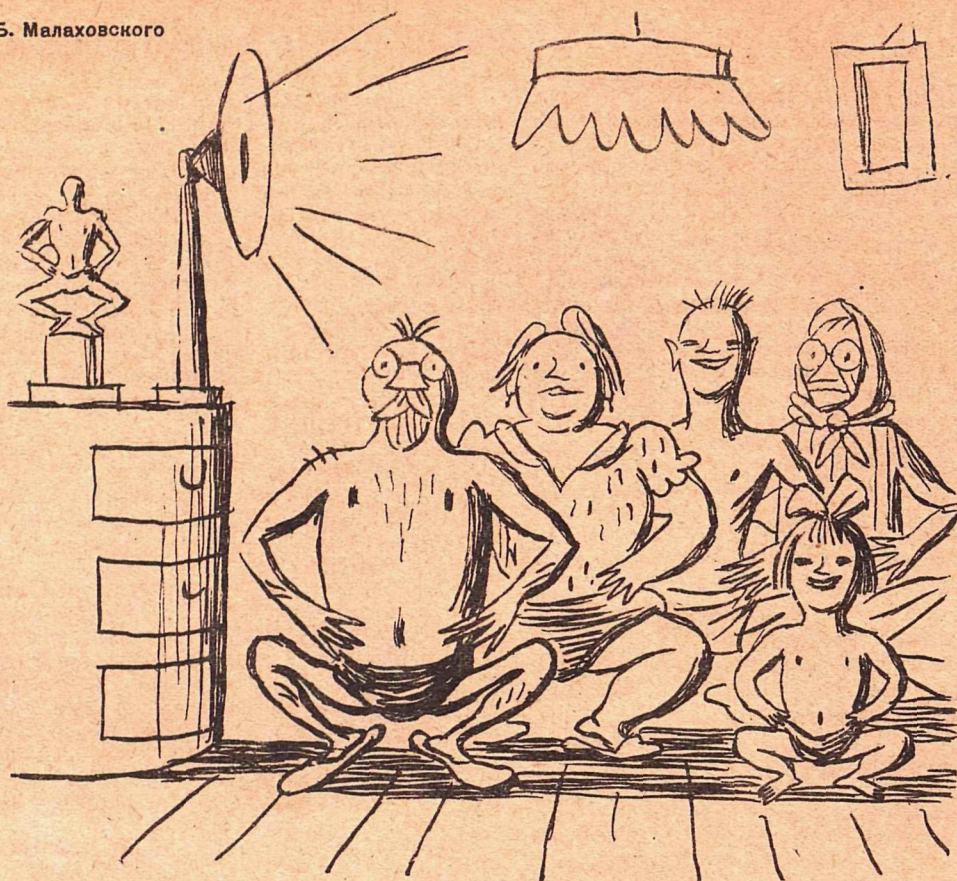
— Расстричь!

А так как столь суровое наказание надо было все же известным образом обосновать, Амвросий дал следующее исчерпывающее пояснение:

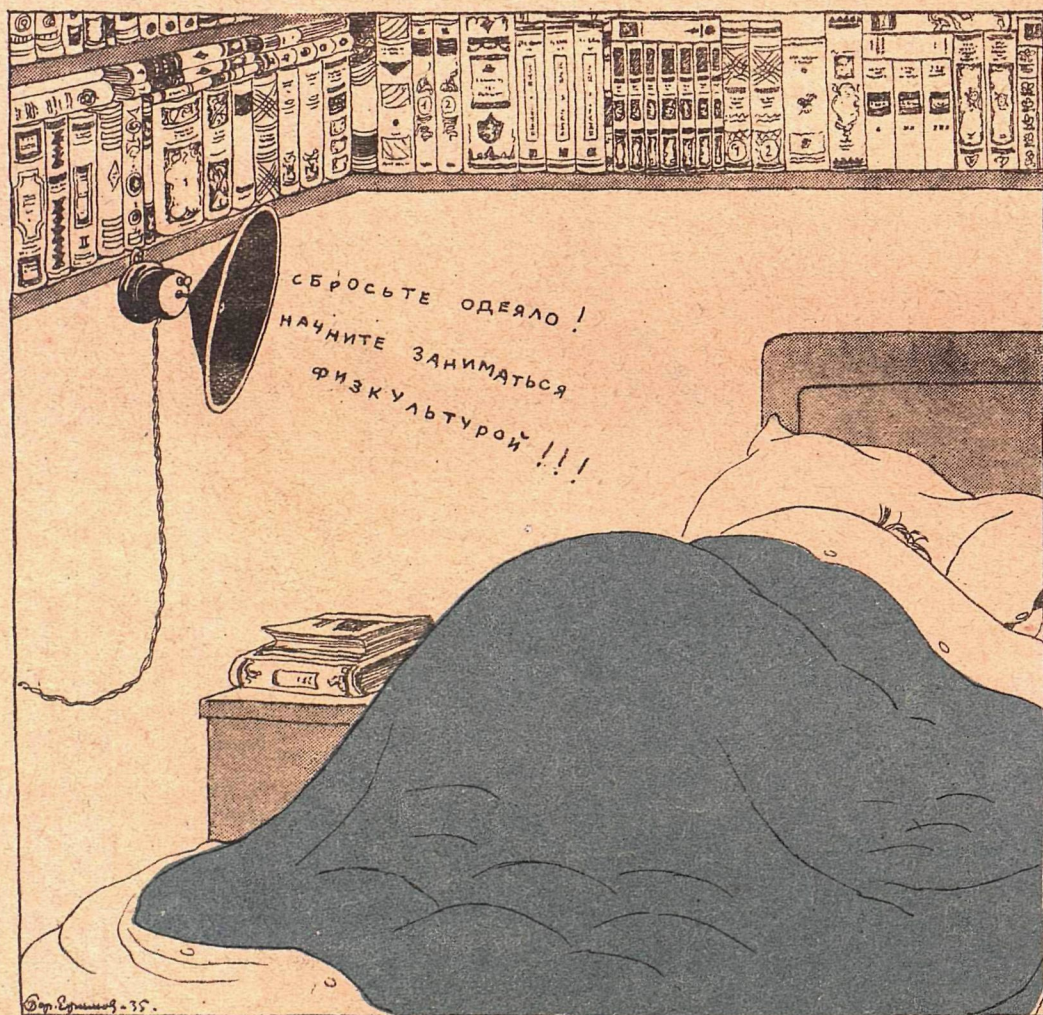
«Пастырю грешно даже глядеть на эту машину, а не только сидеть на ней!»

... и вода

Домашняя физкультзарядка.

СПАТЬ МЕШАЮТ

Рис. Бор. Ефимова

НАРКОМПРОСОВЕЦ (под одеялом): — С ума они сошли: дома заниматься физкультурой, когда мы ею и в наркомате не занимаемся.

ЧЕМПИОНАТ ФРАНЦУЗСКОЙ БОРЬБЫ

(ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦА)

«Парад — алле!..»

Мощный диаконоподобный бас сотрясает гулкие цирковые своды. И на манеж под звуки «Марша гладиаторов» цугом выползает десятка два центнеров жирного мяса. Каждому из этих центнеров природа вторых придавала форму, смутно напоминающую человеческое тело. Промаршировав вдоль барьера, они останавливаются в тот момент, когда передний наступает заднего, и круг замыкается.

— Настоящий чемпионат французской борьбы организован мною для борцов всех стран и народов на звание чемпиона мира, почетный золотой пояс, медали, призы и денежные премии...

Мощный бас принадлежит низкорослому, широкоплечему и толстозадому человеку «стиль русс» (поддевка, картуз и сапоги бутылками). Его профессия — антрепренер чемпионата, звание — арбитр, орудие производства — вышеупомянутый бас, фамилия — дядя Костя.

— Пока прибыли и записались следующие борцы: Никита Черный — Ростов-на-Дону. Михайло Лещ, геркулес, булочник — Полтава. Ян Шкапек, чемпион Австро-Венгрии. Жан Вельмо — Париж, — премированный за красоту телосложения малой золотой медалью на сельскохозяйственной выставке в С.-Франциско. Кентавр Второй, чемпион Балканского полуострова. Фриц Пульман (настоящий), чемпион Германии, прозванный за необычайную силу кистей рук «Бурый медведь». Степан Шепелявый, волжский богатырь, чемпион Европы. Учинилли Покороче — Италия — чемпион мира. Коста Несурадзе — Тифлис — по прозвищу «Кавказский барс», чемпион мира. Гаврила Бесмертный, самый большой великан в Европе, чемпион мира. Люли Кебаб, самый ловкий мулат Австралии, чемпион мира.

Манера раскланиваться каждого борца целиком и полностью детерминирована тем «амплуа», которое он занимает в труппе (чемпионате).

«Премированный за красоту» (он же «первый любовник») делает нечто вроде балетного пируэта, вкладывая в улыбку весь имеющийся у него запас обаяния и изысканности; «комик» сопровождает поклон добродушным колытанием необъятных жиров; «герой» наклоняет голову скромно, но с достоинством (оркестр играет туш); «злодей», в послужном списке которого числится не менее дюжины сломанных им ребер, вовсе отказывается кланяться и в ответ на свист обиженной галерки угрожающе потрясает внушительным кулаком.

— Напоминаю, — басит арбитр, — что сегодня в последней паре борются всемирно неизвестный борец, скрывающийся под черной маской свое аристократическое происхождение от дирекции и публики, против чемпиона чемпионов мира, знаменитого непобедимого Ивана Дубины (туш, бурные аплодисменты). Лопатки Ивана Дубины никогда не знали ксвра. Иван Дубина — самый сильный человек в мире и второй в своей семье.

— Дядя Костя, а дядя Костя, — волнуется потрясенный парадоксом зритель. — Это как же возможно?

— Очень просто. У него имеется старшая сестра, которая легко с ним справляется, но она занята своим сельским хозяйством и не записывается в чемпионаты...

Эрудиция дяди Кости импонирует галерке. Галерка любит поговорить с дядей Костей.

— Дядя Костя, где сейчас Эбышко-Цыганевич?

— Который, старший или младший?

— Старший.

— Оба умерли.

— А американец Гатчинсон, что боролся у нас прошлый год?

— У постели больной матери в Ташкенте готовит сына в гимназию...

На ковре возится первая пара. Лицо Пульмана (настоящего) отображает крайнее напряжение, на этот раз неподдельное; его противник, волжский богатырь, угощал сегодня спортивных рецензентов в «Ливорно», сам хватил через край и потерял большую часть природной устойчивости. Если не досмотреть, он обязательно шлепнется на лопатки. А Пульману доподлинно известно, что Шепелявого класть нельзя. То, что он чемпион Европы, это еще с полбеды, но он пайщик дирекции, — и по этой линии неприятностей не оберешься.

И «Бурый медведь», не падая живота своего (огромного, добродушного живота чемпионатного комика), поддерживает подвыпившего хозяина. С пресловутой немецкой добросовестностью помогает он ему проделывать приводящие в восторг публику «пируэты на голове», которые и в трезвом виде не удаются «богатырю» без посторонней помощи.

Публика наблюдает «борьбу гигантов» с замиранием сердца... Еще мгновение, и лопатки Шепелявого коснутся ковра, но вот блестящий «пируэт на голове», и Пульман озабоченно разводит руками: вот, мол, они какие, русские богатыри, разве с ними справишься?..

Патриотизм околоточных надзирателей, акцизных чиновников и мелких лавочников испытывает приятное шекотание. Антреприза знает, что делает, — ни один иностранец никогда не занимал в чемпионатах первого места.

Наконец, оглушительный свисток арбитра возвещает окончание первой схватки: Пульман, протянув положенное число ми-

нут, со вздохом облегчения ложится под осового противника. Тяжким трудом завоевано сегодня поражение. Фриц сделал свое дело, Фриц может уйти (в пивную, что через улицу наискосок).

У входа в цирк на мостовой два малолетних газетчика по очереди закладывают друг другу «двойные нельсоны». Неустойчивое материальное положение лишает их возможности проникнуть вместе с избранными в самый храм циркового искусства, и они утешаются, как могут, у подножия такового.

Их невинные забавы прерывает необыкновенное происшествие: с извожичей пролетки сползает здоровенный дядя в пальто с поднятым воротником и в черной маске. Избегая света уличных фонарей, он торопливо пробирается боковым входом в здание цирка.

Когда он снимает пальто, кто-то легонько (относительно легонько, конечно) хлопает его по плечу. Перед ним стоит чемпион Австро-Венгрии Ян Шкапек, в миру Яша Шкапский.

— Слушай, Федька, — озираюсь по сторонам, шепчет австро-венгерец всемирно неизвестной маске, — чего я хочу тебе сказать: хозяин за вчера очень на тебя сердитый.

— Это еще за что?

— Что ты в схватке с Несурадэе мало техники показал.

— Какая там техника, когда я и жалования еще не получил.

— Дело твое. А я слышал, как он Шепелявому говорил: «Федька, говорит, ленивая скотина, гнать его надо, говорит, пусть ворочается к себе в порт, говорит, как есть в черной маске арбузы грузить...»

— А ну его...

— Дело твое. А мое дело предупредить по дружбе...

На манеже давно уже пыhtят и потеют восьмипудовый Кентавр и премированный «любимец публики» Жан Бельмо.

Атмосфера сгущается как в переносном, так и в буквальном смысле. Даже арбитр не выдерживает. Ему жарко. Ему хочется пить. Бутылка пива на столе цирковой конторы маячит перед ним, как оазис перед глазами путника в пустыне.

Дядя Костя передает свой свисток со всеми вытекающими отсюда прерогативами власти художочному прыщавому юноше из «судейской комиссии» и временно покидает манеж. Телефонный звонок застает его на первом же глотке.

— Попросите дядю Костю. Говорят из редакции «Биржевых ведомостей». А, дядя Костя! Это я, Врушко-Врушковский. Я сейчас в «Ливорно». Будь другом, позвони результаты, когда кончатся.

— Зачем, когда кончатся, я и сейчас могу. В первой паре Шепелявый положит Пульмана рычагом в партере. Во второй — Жан Бельмо на 16-й минуте необычайно эффектным броском через бедро припечатает Кентавра Второго. Затем, в 9 минут Учинилли Покороче сломает мост Шкапека...

— Не спеши, голуба, дай записать... Так. Остается Иван Дубина и Черная маска. Ну, они, конечно, вничью...

— А как же? Дурак я, что ли, я на них еще раза три аншлаги сделаю...

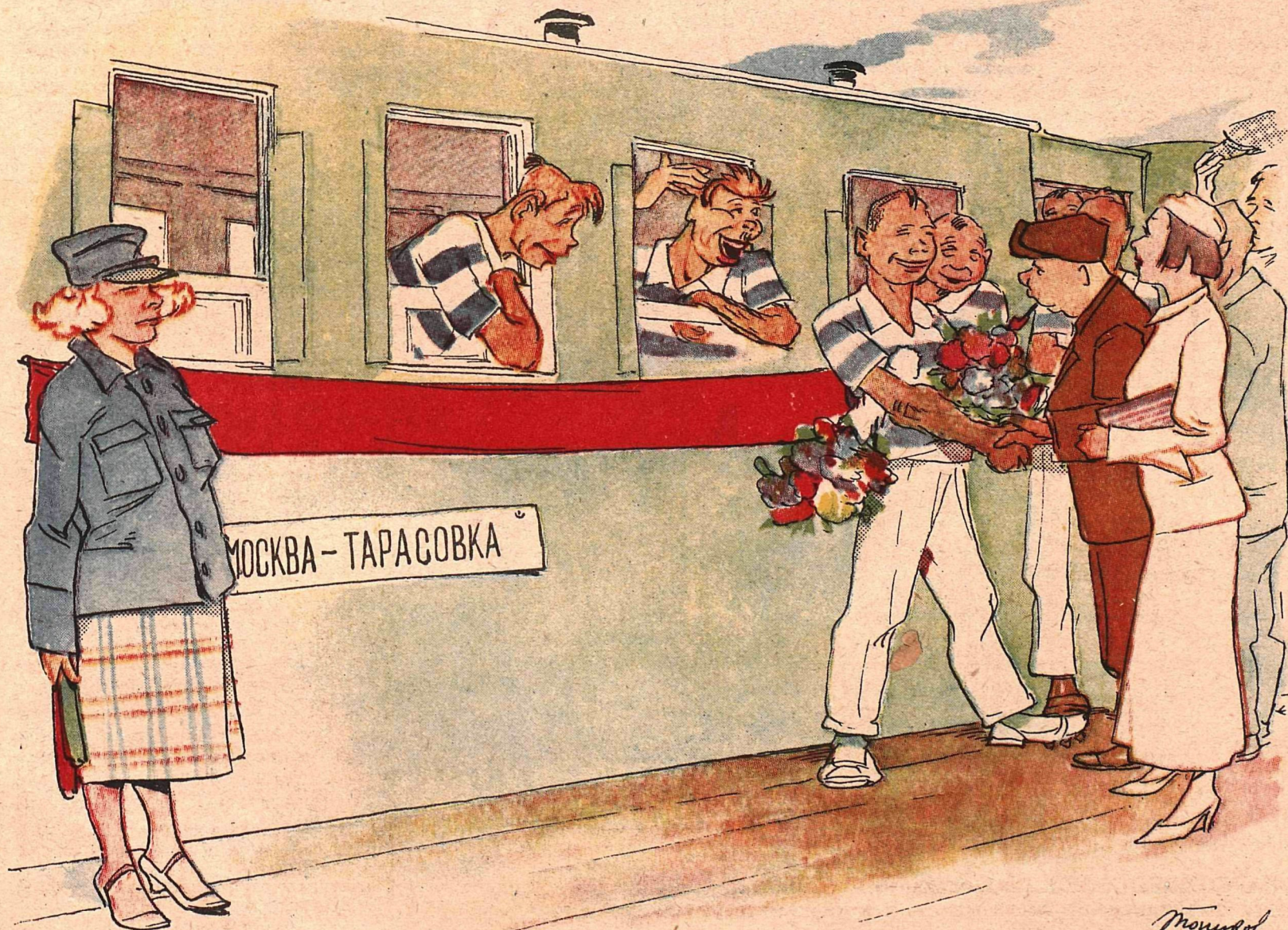
Разговор прерывается бурным взрывом аплодисментов, доносящихся с манежа:

— Жан Бельмо на шестнадцатой минуте необычайно эффектным броском через бедро припечатал Кентавра Второго.

ВИКТОР ТИПОТ

Московское спортивное общество «Спартак» не имеет своего стадиона и вынуждено для тренировок выезжать за город.

Рис. А. Топикова

В Тарасовку за стадионом...

Топикова

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Представь себе, что пловцам предложили бы побивать рекорды в болотных водах или бегунов заставили бегать по дорожке, специально для этого унавоженной. Вряд ли это кому-нибудь доставило бы удовольствие. Теперь представь себе, каково нам бороться на матах, изготовленных фабрикой «Спорт и туризм» по специальному заказу Дворца физкультуры завода № 1 Осоавиахима. Маты сделаны из непромытой оленьей шерсти, пополам с пылью и прикрыты прорезиненным брезентом. Во время борьбы из матов идет столько пыли, что мы буквально задыхаемся в ней. Есть очень много правил для борьбы, зачем же еще вводить новое, что борец обязан покрываться пылью?

Чемпион СССР по борьбе
В ЛЮЛЯКОВ.

Дорогой Крокодил!

Я чувствую, что летом несколько неудобно занимать твое внимание коньками, но так как зимой о них будет уже поздно говорить, сигнализирую сейчас.

Высококачественные коньки мы покупаем в Норвегии. Тратим на них валюту. А совершенно спокойно могли бы наладить производство у

себя, на ленинградском заводе «Тремасс» или в Большевской трудкоммуне «Динамо». Говорят, что в Болшеве уже была сделана первая партия, но неудачно. Так неужели же это причина для того, чтобы вообще отказаться от собственного производства и тратить валюту, или оставлять конькобежцев без хороших коньков? Странная логика. Не находишь ли и ты ее такой же, дорогой Крокодил?

Заслуженный мастер
спорта чемпион СССР
Я. МЕЛЬНИКОВ

Товарищ Крокодил!

Еще никому в голову не приходило скомбинировать такую одежду, которая была бы одновременно мужской и женской. Теперь этот пробел заполнен. К междуведомственным соревнованиям по тяжелой атлетике изготовлено, по заказу ВЦСПС, трико борцовки, явно напоминающее изящные дамские трусики, но в несколько планетарном масштабе: невозможные по фасону, по размеру они способны вместить трех борцов сразу. Интересно было бы знать, кто гениальный творец такого фасона и размера?

Чемпион СССР в среднем весе

А. КАТУЛИН.

Москва.

Дорогой Крокодил!

Я сам человек танцующий и ничего против танцев не имею. Но дело в том, что я, базовый инструктор физкультуры, обречен сейчас быть танцмейстером и обучать всех, кто заглядывает к нам, в Мичуринский клуб имени Сталина, танцам с утра до ночи. Не думай, что это так легко. За ту же оплату, которую я получаю как инструктор, я обязан следить за пьяными, которые приходят потанцевать в клуб, выводить граждан, производящих беспорядки, а также следить, чтобы все записавшиеся на танцы в срок заканчивали свой курс. Почему это должен делать я, инструктор физкультуры, — непонятно, но дело обстоит так.

Будь добр, дорогой Крокодил, выручи меня и сделай из меня, нынешнего танцмейстера, прежнего инструктора физкультуры.

Инструктор УТЕШЕВ.

Мичуринск.

Дорогой Крокодил!

Находящаяся в системе ЛСПО в Ленинграде фабрика «Красная звезда» вместо выработки гимнастического спортивного инвентаря в настоящее время выпускает пожарные лестницы. Трудно что-либо возражать против

этого полезного предмета, особенно при несчастных случаях. Но войди в положение ленинградских физкультурников, которым вместо турников фабрика может предложить только пожарные лестницы. Ты сам должен понять, что с таким спортивным инвентарем далеко не уедешь.

П. ИВАНОВ.

Ленинград.

Товарищ Крокодил!

Не мне тебя учить о том, что есть зимние виды спорта и летние. И чрезвычайно полезно, когда к летнему сезону стадион готовится весной, а к зимнему — осенью. У нас в Иванове этот нормальный план подготовки стадиона идет несколько иначе. Так, например, трамплин для лыжных прыжков был построен только в марте месяце, когда никакого снега не было. Очень прошу тебя отметить эти темпы строительства и пожалеть наших физкультурников, которые только летом смогут воспользоваться трамплином для лыжных прыжков.

А. ТОМИН.

Иваново.

Милый Крокодил!

У нас в Новосибирске деревянное двухэтажное здание водной станции строится ровно пятый год. Я знаю, что станции в два дня не выстроишь, но спрашивается, сколько же лет понадобилось бы нашим новосибирским строителям, если бы они строили не двухэтажную, а четырехэтажную станцию? По 2½ года на один этаж, мне кажется, многовато? А тебе?

А. ПЕТРОВ.

г. Новосибирск.

Товарищ Крокодил!

У нас в Мари-Турке у всех физкультурников — организованных и неорганизованных — из спортивного инвентаря имеется один волейбольный мяч и изорванная сетка. Будь добр, расскажи нам, как воспользоваться этим физкультурным богатством для всех видов спорта. Мы сами додуматься не можем.

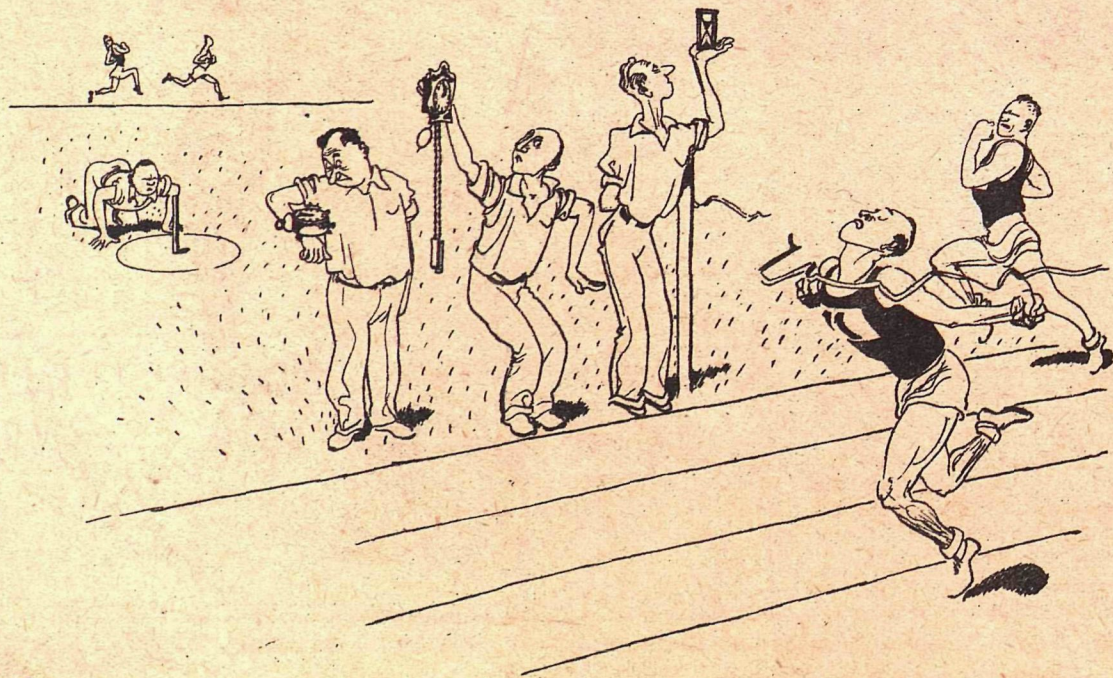
Т. РЯЗАНОВ.

Гор. Июшкар-Ола,
Горьковский край.

ЗА НЕИМЕНИЕМ СЕКУНДОМЕРОВ

(ВОЗМОЖНЫЙ СЛУЧАЙ)

Рис. Н. Ротова

СПОРТ ДОСТИЖЕНИЯ

Мы не вулгаризаторы и не хотим никому доказывать, что на Западе нет никакого спорта. Мы просто предлагаем вниманию читателя образцы того, во что иногда превращается буржуазный спорт. Для более недогадливых читателей сообщаем, что газетные вырезки и афиши мы составили сами, но пользовались при этом самым характернейшим материалом. Все.

ГОЛЛАНДИЯ ПЕРЕТАНЦОВАЛА!

Вчера в большом танцевальном зале нашего курорта состоялось состязание под лозунгом «В здоровом теле — здоровая нога». Девятнадцать пар лучших жильцов отеля «Гранд-Уазо» танцевали бесперебойно в течение 37 часов без перерыва на завтраки, кино и смену белья. Одна пара, заснувшая на ходу в сто девятом фокстроте, была дисквалифицирована, равно как и бельгийский чемпион танго г. Мутье, который воспользовался утомленностью судей и четыре часа танцевал на одной ноге, придерживаясь за подкупленного кельнера.

Честь своей нации горячо подерживали супруги — гамбургские аристократы — гг. Фритен-

Крутау, которые дотанцовывали предпоследний ту-степ в обморочном состоянии, обернутые в простыню. Победа была явно на стороне скандинавского фокстротиста на дальние дистанции г. Хрекена, но последний запутался в подтяжках почти перед финишем и был смят и перетанцован голландской парой гг. Ван-Дуден.

Нынешние победители побили последний мировой рекорд бразильца Пильчино, протанцовавшего, как известно, в 1932 г. тридцать семь километров в 28 часов босиком и с банкой малинового варенья на голове.

(„Курортише-Мурортише Цейтунг“ № 252).

БЕГАЮЩИЙ ДА ПРИБЕЖИТИ

Апостол Лука

ШТАТ КЕНТУККИ
ГОРОД ЧИЛИ-МУЛИ

ТОЛЬКО ОДИН ДЕНЬ!

СВЯТОЙ МАТИН ПРОТИВ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ЖОЗЕФИНЫ!

Христиане! Берите зонты и жен и идите на состязание. Команды храма св. Матина против команды храма великомученицы Жозефины.

МУЗЫКУ И СПИРТНЫЕ НАПИТКИ ОБЕСПЕЧИВАЕТ ХРАМ-АРБИТР СВ. ЯКОБА. В НЕМ ЖЕ ВЕШАЛКИ И ПИНГ-ПОНГ.

ХОККЕЙ ДУХА СВЯТОГО. Участвуют только старейшие прихожане. Молодежь до 80 лет не допускается.

МАЛЫЙ ЗАПЛЫВ НА ЗЕМЛЕ СТРАСТОТЕРПЦА. Участвуют женщины и дети. Победителю — специальная обедня, набор медной посуды и альбом парижских открыток для взрослых.

БОКС ПРАВЕДНЫХ. Поощрительная премия: бесплатная панихида в течение всего осеннего сезона.

Ставки взаимных пари на св. Матина и великомученицу Жозефину принимаются в алтаре у г. Джима Фиркинса.

Апофеоз:

Церковный хор на велосипедах!

Пение псалмов, радио, последние биржевые бюллетени!

Пастыри Фред Кинд, Лин Райб

И КАЙ, ДАНИА!

Скучный летний сезон в Копенгагене на этот раз был оживлен двумя крупнейшими спортивными состязаниями: первой международной олимпиадой икачей и конкурсом на лучшего едока.

Среди скандинавской аристократии и балканского дворянства икание как спорт поощряется уже с XI века, и мы счастливы, что именно наш Копенгаген, а не другая столица, сделался местом для выявления спортдостижений в этой области.

Уже с утра в помещении театра «Тирлили» после речи представителя министерства народного просвещения на тему «Икание как искание» состоялся парад участников-икачей, после чего судья выстрелом из пистолета положил начало самому состязанию.

Не будем описывать подробностей этого блестящего турнира лучших представителей родовитых семейств средней и северной Европы. Нельзя не отметить эффектного выступления аргентинца Хилуто, проикавшего «Хабанеру» из оперы «Кармен» под струнный оркестр, а также блестящего рывка английского икача-любителя виконта Бримстона, состязавшегося с саксофоном. Победительницей оказалась наша соотечественница баронесса Менден, переквавшая сборную сербо-хорватскую команду на четыре октавы.

В дни состязания очень успешно шла торговля в городе, что еще раз подчеркивает национальное достоинство Дании, вышедшей на первое место.

(„Спорт Тиденден-Миденден“, № 89, 1935 г.).

ЧЕМПИОН МЯСНОГО

Результаты конкурса на лучшего европейского едока, проводившегося в «Клубе именитых»:

1. Жан Бизю. 52 года. Франция. Ведро бульона, 2 килограмма тертого хрена, фаршированный кабан, ящик лаврового листа. (Выбыл из состязания по домашним обстоятельствам).

2. Ван-Буфау. 63 года. Голландия. Ящик солонины, одиннадцать зайцев в сметане и горшок с живыми цветами (дисквалифицирован за хулиганство).

3. Д. Д. Пифт. 31 год. Англия. Умер на девятнадцатом бифштексе.

4. Ганс Фирт. 89 лет. Швейцария. Студень из целого теленка, бидон молока, акульи плавники в сухарях, гусиный выводок, четыре сливочных торта, а также (случайно) судейские перчатки и список адресов членов клуба. Признан победителем.

(Журнал „Ам-Ам“, Копенгаген, 21/IV 1935 г.).

СПОРТ!

БЕЛГРАД
РЕСТОРАН „СТАРА КРОЛИКА“

СПОРТ!

Древние балканские состязания

КЛОПНЫЕ БОИ

УЧАСТВУЮТ ПОРОДИСТЫЕ БОЙЦЫ ЛУЧШИХ КЛОПОВЛАДЕЛЬЦЕВ ПРОВИНЦИИ, А ТАКЖЕ МЕСТНЫЕ.

Клопные бога.

Клопный волейбол.

Бокс и теннис.

В заключение — клопы в национальных костюмах.

Места по рекомендациям.

СПОРТ!

СПОРТ!

ОБЪЯВЛЕНИЯ

СПОРТИВНЫЙ КЛУБ „Бедро“ (Англия, Бирмингем) ищет тренированного игрока для игры ногами на бильярде. Выступления только на семейных вечерах и в дни национальных праздников. Непьющим предпочтение.

Вы ищете работы?

Мы вам дадим ее!

Купите нашу книжку

„КАК САМОМУ ЛОВИТЬ МЯЧ ЗУБАГЛИ“

Изучите ее, и вы будете зарабатывать минимум по 5 долларов в день на любом вокзале или пригородном цирке.

СПОРТ-ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЖИМ КИРЧ

БОСТОН—ФИЛАДЕЛЬФИЯ

ПОСРЕДНИЧЕСКАЯ КОНТОРА „НОКАУТ“

немедленно купит за наличный расчет

ЧЕТЫРЕХ БОРЗЫХ (ПЕГИХ)

ТРЕХ ХАВБЕКОВ

БУФЕТНЫЙ АВТОМАТ

И ОДНОГО ФОРВАРДА

Нью-Йорк
тел. 4-6405-6-7

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редакция: Л. ГИНЗБУРГ, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-80-55; 5-53-48. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн.—1 р. 20 к. в м. ● Над-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Москва. Изд. № 509.

Сдача текста и рисунков 14/V-35 г.

Подп. к печ. 21/V-35 г.

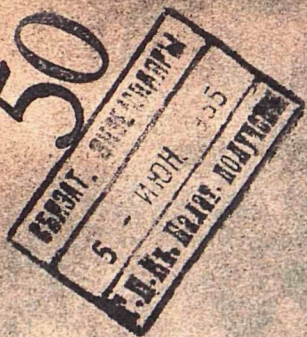
Статформат А0—220—333.

Печ. л. 3. Кол. экз. в 1 печ. л. 120 000

Уполномоч. Главлита № Б—4363.

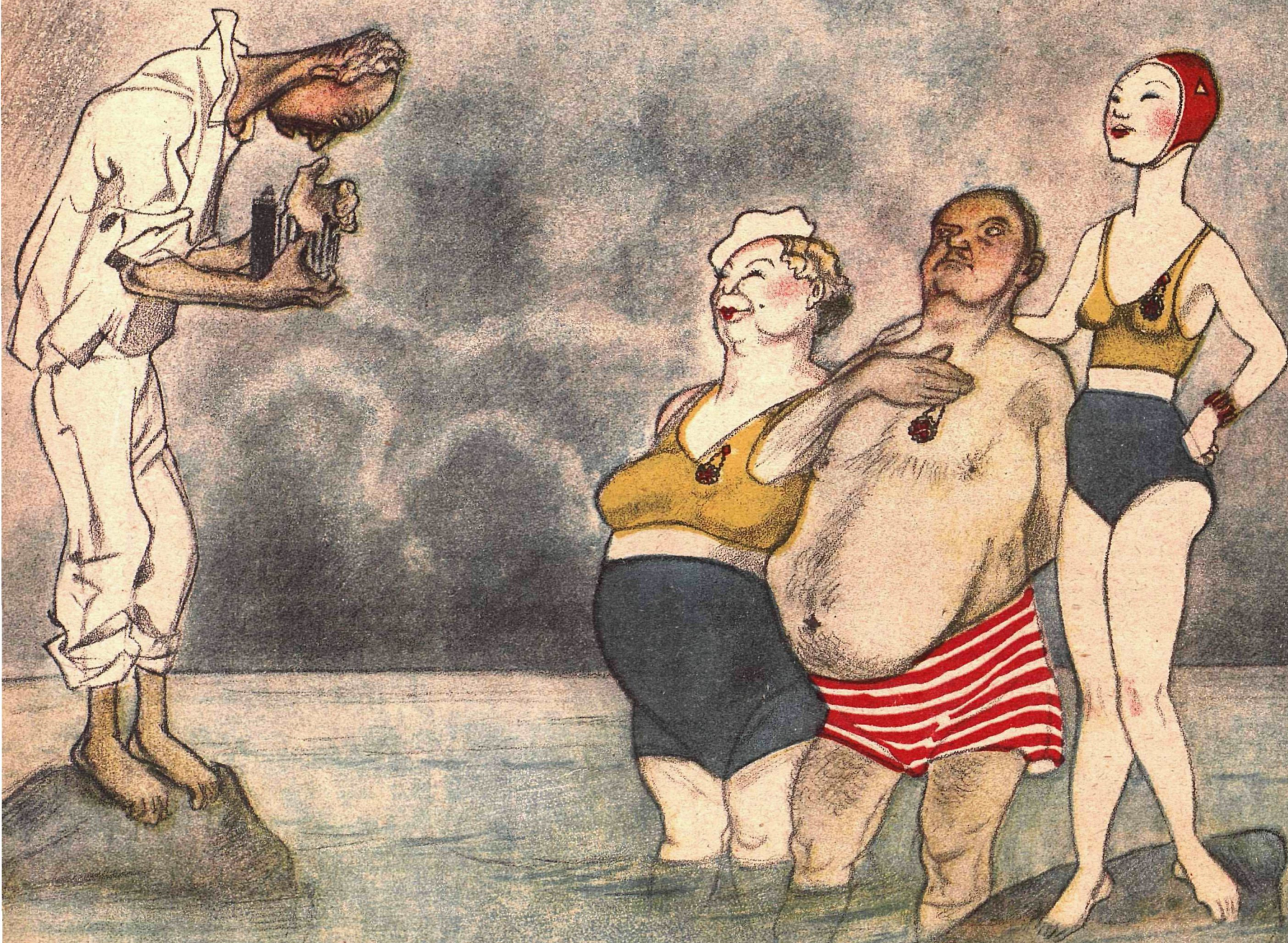
Фабрика Детской книги ОГИЗ РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Суц. в., 49. Зак. № 118. Тир. 300.000

50

10 ИЮН 1935

М3842

К.Р.35

Рис. К. Ротова

НЕТРУДНАЯ НОРМА

- А сколько раз вы бегали для этого значка?
- Да бегать не бегал, а раза два позвонить все-таки пришлось.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ СПЕЦИАЛЬНЫЙ
КУРОРТНЫЙ НОМЕР